

Михаил КОЖАЕВ

В БЕЛФАСТ НАПРЯМКИ

2022

Кожаев М. **В Белфаст напрямки**: повесть / Музыкально-фантастическое путешествие в трёх днях, с предисловием и постскриптумом. Косогория: Издательство «Какао борьбы & Велико братания», 2022. – 96 с.

Слоган:

Путешествие, о котором мечтает каждый из нас.

Девиз:

Долгая дорога в Белфаст. Длиннее, чем в настоящий.

В оформлении использован фрагмент обложки альбома “Eat A Peach” (1972) группы “The Allman Brothers Band”.

© Михаил Кожаев, 2021 – 2022

Алдеан

Юлиан Поснов был сыном бывшего замминистра внешней политики, ныне здравствующего президента крупного международного банка. Юлиан никогда не отзывался на обращение «молодой человек», поскольку считал себя старым. В свои 23 года он увидел в жизни всё. О чём и жаловался приятелю, который лежал на соседнем диване в комнате для элитных гостей модного клуба.

– Я был везде. У меня загранпаспорт заполняется отметками быстрее, чем я покупаю себе новый телефон.

Он попытался засунуть айфон в стакан виски, но тот не пролез. Да и пролез бы – всё равно влагозащищённый.

– Я употреблял всё, – продолжал молодой человек. – Столетний коньяк в Армении, ди-эм-ти на ритуальном торжестве в Амазонии, экстази из пупка мисс мира на вечеринке в Брюсселе – я пробовал всё. Женщин всех цветов кожи на всех континентах. Я покупал картины, яхты и алмазы. Меня больше ничего в жизни не вставляет, понимаешь? Хоть выходи на мостовую – и кубарем в Мойку.

– В какую Мойку? – протестовал, смеясь, собеседник, сын сенатора, Дамиан Гагуа. – Мы же в Москве.

– Серьёзно? – серьёзно удивлялся Юлиан. – Не поверишь – я действительно думал, что я в Питере. Видишь, я даже не вдуплюю, в каком я городе. Да всё одно – тачки, тёлки, бабки, дорожки. Надоело всё! Не знаешь ничего такого?

– Какого? – с хитринкой поинтересовался приятель.

– Ну такого. Чтобы с ног на голову всё перевернулось и чтобы ты такой изменившийся, обновлённый вернулся.

Собеседник помедлил.

– Есть, вообще, одна штука, – наконец, решился он.

– Да? – оживился Поснов и даже приподнялся на локтях. – Оживляет?

– Да как тебе сказать... Может и умертвить, говорят. Я сам не пробовал. Но от кого слышал – говорят, отлично мозги прочищает. Но уж очень трудозатратно! Некоторых в бараний рог, слышал, скручивало.

– Да давай уж, не юли! Что делать нужно?

Приятель, казалось, на секунду задумался. Но в конце концов придвинулся к Юлиану и доверительно прошептал.

– Тебе нужно приехать к целительнице Макарии...

– Хех, эта которая по сто тысяч за сеанс берёт? – перебил его Поснов.

– По сто двадцать уже, – ответил со значительным видом Дамиан. – Только тебе нужно тайную фразу сказать.

Юлиан посмеялся.

– Какую же?

Приятель жестом пригласил его приблизиться ещё.

– Зачем малина шмеля снесла?

Пауза. Внимательно смотрят друг другу в глаза.

– Ты накуренный?

Ещё дольше пауза.

– Это что, конкурс какой-то? Кто придумает лучшее название для картины Дали? Хе-хей – идите все сюда: Гагуа выиграл приз! Какая ещё малина, на хрен, шмеля снесла?

Приятель встал и попросил у распорядителя соболиную шубу, которую тот немедленно водрузил ему на плечо.

– Пеняй на себя, если что. Я тебе дельный совет дал. Знающие люди врать не будут.

И с этими словами вышел вон.

Юлиан задумался.

– Да чёрт с этой дурью несусветной!

Собрался и поехал к Макарии. Дуре, от которой пахло сальными волосами и жжёным тимьяном вперемешку. Развлечение так себе, на троечку. Но что ещё делать в четвёртом часу ночи?

Макария обитала в двухэтажном особняке почти в самом центре. Занимала первый этаж. Во втором, говорят, тоже какой-то маг обитал. Что делать – времена такие, надо коллаборировать, чтобы выживать. Хотя сто двадцать за сеанс – это уже на грани. Надо будет другую знахарку подыскать потом. Так думал Юлиан, подъезжая к ведунье. Остановился, вышел из машины, постучал бронзовым львом в массивную входную дверь. Говорят, она выдерживает очередь из автомата Калашникова. Да мало ли что говорят, недовольно подумал Юлиан, лишь бы языками почесать.

– Иди с миром, откуда пришёл! – раздражённо ответила Макария, не открывая двери.

Юлиана аж пот прошиб: неужели мысли прочла, что к другой хочет уйти? А сам другим умом подумал: да ну, проверяет меня, стерва смышлёная.

– Матушка, открывай, пожалуйста! Юлиан это.

– Иди к кому хотел, если я тебе не любя! – был ответ.

Другой ум Юлиана настаивал: проверяет, кривая, после повышения цены. И молодой человек продолжал уговаривать:

– Матушка, одна ты мне любя, открывай, пожалуйста! Холодно на улице.

Дверь приотворилась, показалась совсем не старая женщина, лет сорока с небольшим. Но выглядела она, и право, как молодящаяся семидесятилетняя итальянка. Чёрные, как смоль, волосы извивались змеями по плечам. На запястьях и пальцах блестела алмазная палата. В глазах горел красный уголь, словно бы и не было глаз, а так – через отверстия внутренний огонь горел, а чтобы не пугать – чужие очи вставлены.

– Что без звонка? – с укором спросила Макария.

– Дело особенное. Вопрос есть.

– Ну заходи!

Ведунья отворила засовы и впустила гостя внутрь. Внутри громоздились друг на друге подсвечники и шкафчики разных эпох и стилей, купленных оптом на барахолке. Горел настоящий камин. В центре комнаты стоял дубовый стол, заставленный хламом. В его центре блестела медная тарелка. Опытным

движением Юлиан достал кошелёк и отсчитал двадцать – и четыре сверху – пятирублёвых банкнот. На взгляд знахарки предупредительно кивнул: мол, знаю о повышении, положил по новой таксе. Макария измельчила несколько сушёных листьев лавра и бросила их в огонь. До Юлиана донёлся неприятный запах горелого.

– Какой вопрос? – спросила Макария.

После небольшой паузы Поснов приготовился и произнёс:

– Зачем малина шмеля снесла?

Ворожея изменилась в лице. Юлиан никогда раньше не видел её такой серьёзной, сосредоточенной и лаконичной. Обычно всё вития плетёт, намёки да полугляды – а тут всё чётко и по делу.

– Слушай меня внимательно. Идешь в турагентство «Алдеан» и спрашиваешь у них самый дорогой тур. Они тебе будут говорить, что у них только бюджетные, но ты стой на своём. Требуй. То, что он дорогой, ты сразу поймёшь – в этом не сомневайся. Бери ближайшую дату и улетай. Никому не перечь и во всём их слушайся. Понял? Всё. Больше тебе не скажу ничего, спокойной ночи.

И чуть ли не силком выставила Юлиана за дверь.

– Вот тебе и сто двадцать тысяч, – вполголоса буркнул он, ковыляя к машине. – Лучше б на стриптиз сходил. Впрочем, всё одно...

И поехал спать.

На следующий день Юлиан проснулся ни свет ни заря – в половине первого. Долго выбирал, какой латте ему заказать из соседней кофейни. Остановился на жжёной карамели с корицей и бадьяном. Затем оформил доставку роллов и, когда их привезли, неторопливо поглощал их на фоне телепередачи, в которой испанец изучает национальные традиции в Бурятии.

Принял ванну. Недолго, минут сорок, полежал в горячей воде, удаляя из памяти телефона старые фотографии последних двух-трёх дней. После ванны долго лежал в постели, бесплодно думая, чем бы себя занять. Поиграл онлайн в

покер, проиграл пятьсот долларов, вышел: надоело. Записался на массаж в SPA, съездил на сеанс. От нечего делать попросил разогревающие камни – не понравилось. Вернулся домой. Хотел уже позвонить в салон госпожи Люблинской, как вдруг вспомнил и хлопнул себя по лбу:

– Блин! Я же в турагентство хотел съездить!

Юлиан нашёл в интернете адрес, быстро собрался и поехал, так как до закрытия оставалось всего полчаса. Вбежал в офис, где неоновыми блистали буквы «Алдеан», когда менеджеры уже собирались по домам. Извинился за опоздание, сослался на занятость. Пообещал, что не займёт много времени и с порога попросил самый дорогой тур.

Сотрудники агентства переглянулись, один из них жестом пригласил Юлиана присесть.

– На какую даты вы бы хотели?

– Неважно. Просто – самый дорогой тур. Вот кошелек, – он достал портмоне, – ломится от Хабаровских, сразу всё оплачу! Сколько?

Менеджер исполнил короткое соло на клавиатуре.

– В среду, на Ямал, 215 тысяч рублей.

– Нет-нет-нет! – запротестовал Юлиан. Он воинственно встал со стула и подошёл к сотруднику. – Мне нужен о-очень дорогой тур! Чтобы у меня глаза на лоб полезли, понимаешь?

Они препирались до закрытия, после чего бедный паренёк был вынужден обратиться за помощью к начальству, которое сидело в другом кабинете в конце коридора. Услышав желание клиента и существо разгоревшегося спора, владелец турагентства – мужчина лет сорока с бородкой а-ля полковник Сандерс – поблагодарил подчинённого и вежливо попросил его оставить их с гостем наедине.

– Могу я поинтересоваться, как вас зовут? – начал он вкрадчиво.

Юлиан, естественно, понял, что интересуются его платёжеспособностью, и выудил из портмоне нужную визитку.

– Замечательно! – удостоверился главный и перешёл к делу. – Есть промокод?

– Какой промокод? – смутился Поснов. – Нет, ничего такого нет. Просто дайте мне этот тур, и я его оплачу.

– Конечно, Юлиан! – поспешил согласиться владелец агентства. – Вы только присядьте, правда! Я вам настоятельно рекомендую.

Молодой человек поневоле умолк и присел.

Мужчина за компьютером что-то ввёл на клавиатуре и повернул монитор. В окошке светилась основная информация по туру: пункт назначения, продолжительность и стоимость. Юлиан Поснов приблизился к экрану и прочёл вслух:

– Нюксеница, 7 дней...

Тут у него перехватило дыхание, и он даже подавился:

– Сколько? 17 миллионов 229 тысяч рублей? Это откуда у вас цены такие?

– Видите, а вы промокодом брезговали! – засмеялся турагент. – Оформляем? Или вам нужно время подумать?

– Подождите! – Поснов ничего не понимал. – Это шутка какая-то? Или розыгрыш?

Он придвинулся к монитору, чтобы прочесть:

– Что это за «Нюксеница»? Это какая-то трёхпалубная яхта на Мальдивах? Почему так дорого?

– Нет. Нюксеница – это село на севере Вологодской области. У нас только внутренний туризм.

– И за неделю *там* вы хотите 17 миллионов? – бунтовал Юлиан. – Да я за эти деньги всю деревню куплю!

Владелец «Алдеана» отвернул от гостя монитор и вернул его в прежнее положение.

– Не деревню, а село, – поправил он Поснова, – там церковь есть. Если вы не будете брать, то давайте закругляться: мы закрылись уже.

После небольшой паузы Юлиан остановил его.

– Подождите. Мне нужно время, чтобы перевести нужную сумму с нескольких счетов.

– Пожалуйста! – радушно ответил турагент и вернулся в кресло. – Не против, если я включу музыку?

Юлиан рассеянно кивнул.

Владелец турагентства подошёл к современному проигрывателю и поставил старую виниловую пластинку. Параллельно набрал кому-то сообщение на телефоне. «Юнифоом», – после нервного скрипичного вступления выдал хриплый мужской голос. Поснову понадобились композиции “Uniform” и “4 W.D.”, чтобы собрать нужную сумму на одном счёте.

– Терминал есть? – уточнил он у агента, который, казалось, весь погрузился в музыку. Тот вытащил из-под стола аппарат, набрал на нём сумму и протянул Юлиану. Молодой человек приложил карту и, немного помедлив, набрал пин-код. – Когда вылет?

– Сейчас! – внятно ответил агент. – Только не вылет, а выезд. Выходите, вас ждёт персональный водитель. Это же VIP-тур!

– Как сейчас? – вновь всполошился Поснов. – На экране было написано, что через три дня. И не выезд, а вылет.

– На заборе, знаете ли, тоже написано, – вдруг соскочил в просторечье владелец «Алдеана». – «Никому не перечь и во всём их слушайся» – разве не так было сказано?

Юлиан вспомнил, что именно так наказывала ему Макария, и ему вдруг стало не по себе.

– Давайте, давайте! – подталкивал его турагент к выходу. – Ну что с вами может случиться в экотуре по России? Самое страшное – умрёте. Чего ж бояться? Вперёд!

«Подбодрил – так подбодрил!» – подумал Юлиан, а для себя решил: ну а действительно, чего бы прямо вот сейчас не взять и не поехать, а? Чего в клубе-то сидеть?

Они прошли через весь коридор и вышли на улицу.

– Ну что ж, приятного тура! – странный турагент протянул и пожал ему руку с советским энтузиазмом. – Вот ваша машина, а мне пора.

Он указал на старенький внедорожник «Субару» бутылочного цвета и поспешил на стоянку к собственному автомобилю.

«Что это за модель?» – никак не мог вспомнить Юлиан. Тем временем из присланной машины вышла эффектная брюнетка лет двадцати пяти. И Поснов, который хотел крикнуть вдогонку владельцу турагентства: «Эй, а где же «Урус» для VIP-клиента?», ничего кричать не стал и даже как-то весь скомкался.

– Вообще-то мы возим клиентов на Lamborghini Urus, – вместо приветствия сообщила девушка, – но она сейчас в ремонте. Но вы не беспокойтесь: главное не хадж, главное – Мекка.

Поснов невольно рассмеялся.

– Да уж, хороша компания подобралась. Один в Гусеницу какую-то предлагает съездить, другая – мусульманскими пословицами разговаривает.

Девушка не придала сказанному внимания.

– Нюксеницу, – вместо этого поправила она его. – Я, кстати, Маша.

– Андрей! – соврал вдруг Юлиан.

Они пожали друг другу руки, как того требовал этикет.

– Ну что, поехали?

– В лес за орехами.

– А вы шутник. – Маша уже садилась за руль. Поснову ничего не оставалось, как обойти машину и занять водительское место. – И лгун.

– Почему? – удивился он.

– Я же знаю, что вы Юлиан, оттого и работаю на этом туре.

– И откуда вы знаете?

– Мысли читаю. Я ясновидящая.

– Серьезно?

– Ну а как вы думаете: просто так я про «Урус» сказала? У нас и нет никакой другой машины, кроме красавицы вот этой, Субарушки. – Маша погладила свою лошадку по рулю. – Вы подумали – я назвала.

– Серьёзно?? А о чём я сейчас думаю?

Он в упор посмотрел ей в глаза, хотя девушка ехала по проспекту и не могла отвлечься от дороги. Тем не менее, левой рукой она исхитрилась отвесить ему звонкую пощёчину.

– Пошляк.

– Ух ты! – растирая щеку, уверился наконец Юлиан. – И вправду. Ладно, извините меня! Я больше не буду.

– Извиняю.

Она нажала кнопку в медиасистеме, и из динамиков донёсся откуда-то знакомый голос:

Big Dipper riding,

We'll give the local lads a hiding.

– Ну и что же там, в этой вашей Нюксенице? – поинтересовался Юлиан, когда прошло достаточно времени, чтобы считать нанесённые обиды формально забытыми.

– Как вам сказать. Это всё равно что гусенице объяснять, каково быть бабочкой. Поэтому мы туда и едем, чтобы вы сами ответили на этот вопрос. А глобально... Перефразируя, как вы выразились, мусульманскую пословицу, важен не путь в Нюксеницу, и даже не она сама, а вы в Нюксенице.

«Пелевинщина какая-то!» – подумал про себя Поснов, но вслух ничего говорить не стал: одного «Чапаева» читал, да и то – не дочитал.

Мария кивнула, мол: да, пелевинщина. Но вслух тоже ничего не произнесла – видимо, чтобы не смущать Юлиана, который бы тогда наверняка узнал, что она продолжает читать его мысли. Вместо этого она предложила спутнику чай в термосе. Поснов согласился. Чай оказался на удивление вкусным, с какими-то ароматными травками.

– Ехать нам долго, – сказала Мария, – можете разложить сиденье и поспать.

Юлиан посмотрел на данные навигатора. Тот обещал почти десять часов в пути. Молодой человек и вправду решил немного отдохнуть, хотя в это время его день, можно считать, только начинался. Но вдруг глаза его завернулись, как закручивается гамак, когда ты с него падаешь. А открыв их, он увидел: до конца маршрута 5 километров.

Впереди была разбитая просёлочная дорога. Вокруг – ни дома, ни забора, ни чего-то, связанного с цивилизацией. Сплошной дремучий лес на все четыре стороны. И только дорога, уходящая в горизонт.

Марии за рулём не было. Впрочем, больше Юлиан удивился тому, что она постучала ему снаружи, с водительской стороны.

– Выйди, пожалуйста, подтолкни!

Спросонья он не успел толком ничего понять. Машина вроде бы и не застряла. Но он послушно подошёл и упёрся в висевшее на задней двери запасное колесо. Внедорожник немедленно подался вперёд и поехал. Юлиан подумал, что машине надо набрать ход, поэтому она так далеко и отъехала. Когда «Субару» остановилась, он окончательно успокоился и побрёл вперёд по грязной колее. Но вместо того, чтобы подождать пассажира, Мария выбросила на обочину его сумку.

– Тебе туда! – она показала назад по направлению движения. А сама дала газу и поехала вперёд.

– Эй, стой! – Юлиан побежал за ней, но почти сразу ощутил бессилие своей попытки. – Чёрт!

Ощупал карманы джинсов. Быстрым шагом подошёл к своей сумке, которую наспех собрал перед выездом в турагентство, – телефона нигде не было.

– Вот я осёл! – он со злобой хлопнул себя по лбу.

Но затем быстро собрался и стал рассуждать логически. Ход его мыслей, в почти морозное, несмотря на лето, утро был примерно таков:

«Если они совсем дебилы и решили меня ограбить таким тупым способом, то я выживу, вернусь и сгною их в суде. Но есть другой вариант – что это часть услуги, и я должен преодолеть некие трудности, чтобы доказать, что достоин этого долбаного тура. В этом случае я выживу и пройду непонятную пока инициацию».

– Выводы? – вслух спросил он. Так любил говаривать его отец – а внешнюю политику страны абы кому не доверяют. – В первую очередь я должен выжить.

По зрелом размышлении он решил довериться своей водительнице и пошёл... назад – допустив, что она почти доехала до цели и развернулась, пока он спал, чтобы разыграть весь этот спектакль. Идти, как помнил Юлиан, предстояло пять километров, но жуткий предрассветный холод здесь, на севере, подгонял его сменить быстрый шаг на бег.

– Беги, Форест, беги! – подбодрил он себя. И вдруг понял: «Форестер» – вот как называется эта модель «Субару».

Бежать пришлось по дороге с условно твёрдым покрытием. Было понятно, что когда-то она была заасфальтирована, но многогодичная смена зимы и лета превратила её в «направление». Остатки асфальта перемешались с щебёнкой и землёй, превратившись в две параллельные колеи, в которых то и дело утопали модные кроссовки Юлиана.

Пейзаж практически не менялся всё то время, пока Поснов бежал. Он даже согрелся и теперь чувствовал себя как спортсмен на тренировке. Только вместо модного парка со стройными девушками в обтягивающих лосинах плутала грязная дорога, которую вдалеке перебежала лисица. А вместо модных треков в беспроводных наушниках лишь пронзающий ледяной ветер шумел в беспроводных ушах.

Наконец, в одном месте показалось нечто похожее на деревенский двор. Через пару минут бега стали отчётливо видны покосившийся сарай и длинный деревянный дом. Как к спасительному причалу, Юлиан подбежал к крыльцу и постучал в дверь.

– Иду! – донеслось откуда-то рядом и почти сразу же на пороге появился бородатый мужчина лет пятидесяти. – Молодец!

Не успел Поснов опомниться, как хозяин закрепил у него на запястье бумажный браслет – точь-в-точь как в доминиканских гостиницах.

– Немногие добегают! – пояснил мужчина. – Поэтому мы и кладём GPS-трекеры в сумки, пока гости спят в дороге. Вкусный чаёк, не правда ли?

– Э-э! – проблеял Юлиан. – Вы о чём это?

Хозяин дома засунул руку в карман и вытащил оттуда телефон Поснова.

– Ну как! – пояснил он, протягивая трубку владельцу. – Это же тур, а не ограбление. Привыкните к тому, что всё происходящее с вами специально подстроено, чтобы вы получили максимум удовольствия. И тогда вы его получите.

– Гм, ну хорошо! – ничего не понял Юлиан, но решил не вступать в спор. – И что дальше?

– Как захотите, – развёл руками хозяин. – Хотите – сразу поедem. Хотите – зайдите, погреетесь. Чай? кофе? скотч? Всё включено.

– Скотч? – засмеялся Поснов. – Вы виски имеете в виду? Или свяжете мне рот и бросите в подвал?

– Как по мне, называть клейкую ленту скотчем – преступление против личности и русского языка.

Хозяин провёл Юлиана в сени, показал, где разуться, и пригласил в просторную комнату.

– Меня, кстати, Юрием зовут.

– Юлиан.

Они пожали друг другу руки. Юлиан подумал, что получилось неудобно, потому что он сразу забыл спросить имя. Но Юрий по-дружески и как-то запросто кивнул и попросил располагаться.

– Всё включено, говорите? – раскрепостился гость. – А есть абсент?

– Ух! – улыбнулся хозяин и поглядел на часы. – В восемь утра!

Он направился к старому-престарому шкафчику, который был точь-в-точь как в домике кролика в советском мультике про Винни-Пуха. Открыл правую верхнюю дверцу и достал бутылку с изумрудно-зелёной жидкостью. Захватил пузатый бокал на тонкой ножке, квадратный стакан, салфетку, трубочку и спички.

– Правильно! К сожалению, теперь многие забывают, что раньше люди употребляли алкоголь для общения с ангелами. Это серьёзный духовный труд, требующий закалки, осознанности и беззаветной храбрости.

Юрий поджёт налитую в бокал терпкую влагу, повращал из стороны в сторону и вылил в стакан. Напутствованный столь странным афоризмом Юлиан немедленно выпил. Как ни ударило горячим взрывом ему в голову, но хозяин настоял сразу же вдохнуть пары абсента из перевёрнутого бокала, к которому он изогнул трубочку. Поснов вдохнул полной грудью и тут же закашлялся. Не успел он прийти в себя, как Юрий повёл его обратно в сени.

– Пора! Восемь часов уже. Надо всё успеть.

Юрий вытащил из угла походный рюкзак и поставил перед Юлианом.

– Держи. Тут походное снаряжение, термобельё, гидрокостюм, консервы, пиропатрон, непромокаемые спички. Короче, всё, что может пригодиться в эти дни.

– Гидрокостюм? Пиропатрон? Это точно экотур?

– Да что за приставка дурацкая! – нахмурился хозяин. – Всё, что происходит в природе, – «эко». Мы живём экожизнью. А если не так, то это люди сами себе выдумали есть пластик вместо овощей.

Юрий вручил рюкзак гостю и кивком указал на выход, направился за ним следом.

– Да и тур – дурацкое слово, – продолжал бубнить хозяин. – Есть же прекрасные русские слова: путь, приключение, поход. А пригодится или не пригодится? Знаешь, отправляясь в Кабул, лучше *иметь* с собой парашют, чем *не иметь*.

– И вы туда же! – Юлиан еле тащил тяжеленный рюкзак. – У одной про Мекку пословицы, у другого – про Кабул. Вы из одного института Востока, что ли?

– Нет, – хмуро ответил Юрий и натянул рукав куртки, чтобы скрыть татуировку ВДВ на запястье. – Было одно спецзадание в Афганистане. Кидай вещи в багажник и погнали.

Поснов взглянул, куда в очередной раз кивал головой хозяин, и ахнул: между старым трактором и армейским УАЗом переливался на утреннем солнце насыщенно-жёлтого цвета Lamborghini Urus!

– Ух ты! – восхитился Юлиан, не сумев сдержать эмоций. – А плела, что экстрасенсорика и всё такое.

Молодой человек подошёл к суперкару, но хозяин дома грубо одёрнул его:

– Да куда ты! В ремонте она! Полуось поломали на бездорожье, а новая второй месяц из Италии идёт. Садись-ка брат сюда, – он указал на УАЗ, – так и быстрее, и надёжней! По трассе-то оно, конечно, спору нет. Но нам-то в такую глушь, что хоть гусеницы нацепляй!

– В глушь? – поразился Юлиан. – А разве мы уже не в глуши? Ой! Извините. Я имел в виду: разве мы уже не на месте? Ведь это Нюксеница, так?

– Так, – открывая багажник и закидывая туда рюкзак Юлиана, подтвердил Юрий. – Только истинная цель – ещё дальше на север. Раньше это был Котлас. Но он быстро стал популярен – туда и Бейонсе приезжала, и Джей-Зи, – и лавочку быстро прикрыли. Хотя там очень забористые... – он попытался подобрать слово, – туры были! Это всё Денис Мацуев виноват, в интервью газете «Вечерний Котлас» растрепал лишнего – еле следы замели. Садись, поехали!

Они сели в салон, Юрий развернулся и выехал со двора. Сначала они ехали по дороге, которая когда-то, видимо, была засыпана щебнем, поэтому её ещё можно было назвать дорогой. Но потом они свернули и поехали вдоль посадки. Там была просто размытая колея с буераками. Впервые в жизни Юлиан на деле осознал, почему машину в народе называют «козлом»: задний мост то и дело

козлил, подбрасывая УАЗик на кочках. Поснов поймал себя на мысли, что впервые в жизни также понял что-либо не головой, а задницей – настолько сильными были эти удары на ухабах.

– То есть Нюксеница – это всего лишь перевалочный пункт? – уточнил Юлиан. Юрий молча кивнул. – А куда же мы таком случае едем?

– К Кентам, – ответил водитель. – Архангельская область, километров сто отсюда. Только нам надо будет в один посёлок заехать, человека забрать.

– Кента? – усмехнулся Юлиан.

– Кента! – ухмыльнулся Юрий, после чего засмеялся. – Точно подмечено: кента!

В этот момент Поснов понял наверняка, что водитель никак не связал сленговое слово «кент» с точкой их назначения. «Может, горы так называются? – подумал про себя Юлиан. – Большие и Малые Кенты?». Но вслух говорить ничего не стал.

– Ну и что мы, все дни вот так ездить будем по буеракам? – спустя некоторое время спросил Юлиан.

– Зачем же? – простодушно удивился Юрий. За рулём охотничьего внедорожника он больше походил на пилота межзвёздного корабля. – Доедем сейчас до базы, и будешь отдыхать. Природа – зелёная, как в Амазонии, только на суровый, северный лад. Блюда роскошные от лучших шеф-поваров. Музыка – первоклассная. Ну просто космос! Не то, что эти современные – «дайте Оскар этой богине». Тьфу! Как услышал – и всё, выпилить из сознания не могу. Хуже, чем сера, в ушах стоит. И как люди могут это слушать? Я сделаю погромче?

Юрий указал на кассетную магнитоу. Из динамиков доносился пронзительный женский голос в сопровождении ближневосточных инструментов:

I can see the lights in the distance,

Trembling in the dark cloak of night.

Юлиан кивнул.

– А что за человека нам забрать надо? Такой же турист, как я?

– Нет! Это человек, ради которого устраивают туры для таких, как ты!

– Во как? – удивился Юлиан. – И кто же он? И что он делает в том посёлке?

– В Киземе? Улицы метёт.

– Типа – дворник?

– Ну да. Была в детстве мечтать – работать дворником. Но не сложилось. На этом поприще. Вот теперь возможность представилась – чуть не вприпрыжку побежал. Взял метлу и начал улицы чистить, мусор убирать. Достопочтенный джентльмен.

– Ясно, – признал Юлиан. – То есть тот дворник – белая кость, а я – говно? Вы это хотели сказать?

Он не хотел идти на конфликт, но так получилось. Впрочем, никакого конфликта и не произошло, потому что Юрий ответил:

– Да. Может быть, не в такой формулировке. Но суть ты подметил верно.

Юлиан буквально опешил. Может быть, поэтому он ничего не ответил. А Юрий пояснил свою мысль:

– Ты же сам в глубине души знаешь, что ты создан для большего. А вместо этого – прожигаешь жизнь, не зная, к чему приложить свою молодость, и сердце, и волю, и предчувствия. Поэтому ты и искал то, что нашёл. И нашёл то, что искал.

– О, опять эти пословицы!

Вскоре подъехали к посёлку. По берегам реки раскинулись живописные деревянные дома, точь-в-точь, как в какой-нибудь русской сказке с иллюстрациями Билибина. Всю эту красоту портила разве что деревянная звезда у здания сельсовета, сделанная, видимо, ещё в советское время. У звезды стоял потрёпанный жизнью и обросший щетиной старичок в круглых очках. Местная жительница принесла ему кувшин молока, и теперь он неторопливо пил. Очки запотевали от молочного пара, когда он подносил крынку ко рту. Заметив Юрия, он указал женщине рукой на машину и с благодарностью вернул дымящийся кувшин.

– Хай, Эрик! – выкрикнул из салона Юрий. – Летс гоу ту фест?

Юлиан как сидел, так и уронил челюсть на колени. Перед ними, со стёртой метлой в руке, стоял не кто иной, как Эрик Клэптон.

Он ответил на приветствие – разумеется, тоже на английском. Открыл заднюю дверь, кинул под ноги метлу и уселся сам на задний диван. Юрий познакомил их.

– Юлиан. Рэар нэйм, эт лист рашенс.

Застигнутый врасплох Юлиан начал что-то бурчать в ответ, хотя вследствие многочисленных путешествий по миру прекрасно говорил по-английски. По крайней мере, чтобы выразить своё восхищение всемирно известному музыканту. Но от оцепенения он этого не сделал. Впрочем, Клэптон, видимо, привык к таким тупнякам и дал новому знакомому время освоиться.

Заодно и Юрий, когда тронулись в путь, помог привыкнуть к соседству с легендой. Он предложил послушать музыку и в старую магнитоу вставил вместо прежней другую, безымянную кассету. Через несколько секунд из динамиков зазвучал задорный гитарный рифф, а затем юный, но уже обождённый известностью голос запел: «Strange brew...».

– М-м-м, “Cream”! – улыбнулся Клэптон и сделал реверанс водителю. – Не можешь ты без подколов, да? Это же пятьдесят лет назад было!

– Ты знаешь, – ответил Юрий, Юлиан даже удивился, как хорошо он владеет английским: – у музыки совсем другие законы. К нашему бытовому времени она не имеет ни малейшего отношения. То, что для нас – история музыки, для неё самой – возможность выйти из потенциального состояния в физический мир. И стало быть – возможность быть услышанной!

Повисла долгая, приятная поэтическая пауза.

– Это из аэротата? – ни к селу ни к городу спросил Клэптон, но Юрий живописно кивнул, и они оба расхохотались.

Всё это происходило на скорости восемьдесят километров в час по просёлочной дороге с большущими буераками, на которых старого козлика то и

дело подбрасывало над землёй. А неизвестный водитель-меломан и всемирно известный музыкант запросто хохотали и подпрыгивали на сиденьях, рискуя в любой момент вылететь в кювет. Юлиана тоже гоняло на пассажирском кресле, как бревно по реке. Он вжался в поручень и держался, как наездник на родео.

Впрочем, дорога до точки назначения заняла совсем немного времени. Юрий объехал зелёную посадку и остановился между деревьями, в тени. Вместе с именитым гостем они вышли из салона, и Юлиан поспешил за ними, хотя ничего похожего на место обитания человека поблизости не было на расстоянии горизонта.

Юрий и Эрик уверенным шагом подошли к кроне дерева и отцепили от него армейский брезент. Ловко накинули его на УАЗик, закрепили ремнями по краям у земли и прикрыли ельником. Клэптон жестом пригласил Юлиана следовать за ними. Втроём они подошли к неприметной полянке, но только двое из них знали, что нужно делать.

Мужчины зашли с разных сторон неких невидимых ворот и в траве разыскали по массивному стальному кольцу диаметром с обруч от бочки. Синхронно потянули их вверх – и вдруг из-под земли поднялась вверх жестяная дверь, которая была замаскирована под травку, мох и пни. В проёме показались ступеньки вниз, и Юлиану приказали спускаться по ним. Юрий и Эрик пошли следом, аккуратно прикрыли над собой воротину, и всё погрузилось в холодную тьму.

Кто-то включил фонарик, и Юлиан увидел перед собой десятка два ступенек, которые упирались в массивную дубовую дверь с надписью “London” и тяжёлой металлической ручкой, какие встречаются разве что в иллюстрациях к «Гарри Поттеру». Изнутри доносились глухие и невнятные звуки. Каково же было удивление Юлиана, когда, отворив дверь, он отчётливо услышал громкую музыку, доносившуюся из ещё более дальних пространств. Из подземелья – которое вообще ничем не выдавало своего присутствия во вселенной, когда они были наверху!

Трое странников прошли по слабо освещённому коридору до новой двери – уже вполне европейского типа, какую можно встретить в любом офисе, с ручкой. Только справа от входа был установлен детектор отпечатков пальцев. Клэптон прижал большой палец, и дверь дружелюбно распахнулась. Все трое вошли дальше. Здесь музыка уже гремела вовсю, а путь гостям преградил секьюрити. Он кивнул Эрику и Юрию, обменялся с ними локтекасаниями вместо рукопожатий, но при взгляде на Юлиана вышел вперёд, преградив ему путь, и грозно сказал по-русски:

– А ты ещё кто такой?

В свете фонаря перед ним возник грозный охранник. Им оказался не кто иной, как... Винни Джонс!

– Ёлки! – не сдержался Поснов. – Винни, я твой фанат! Сфоткаемся?

Юлиан дёрнулся, чтобы вытащить из кармана телефон, но Винни дёрнулся первым. Поснов согнулся пополам и рухнул на пол от молниеносного удара под дых. Секунд двадцать он отчаянно пытался схватить лёгкими воздух, но безуспешно. Наконец он сделал первый нормальный глоток и понемногу пришёл в себя. Винни Джонс склонился над ним, держа в руке незаметно извлечённый из его кармана телефон.

– Люди делятся на четыре типа, – начал прояснять ситуацию он, но уже по-английски. – Первые – те, кто показывают браслет на запястье. Это – дорогие гости жизни. Я с ними обнимаюсь. Вторые – те, кто спрашивают совета у того, кто их привёл. Это – добрые работяги, которые боятся покинуть родной завод. Я жму им руку. Третьи – те, кто пьются назад. Это – любители своих клеток, в которых они ждут не дождутся смерти. Я их просто пропускаю вперёд. И четвёртые – те, кто хочет сфотографироваться с человеком, который его даже не знает. Это – наглецы, которые считают, что жизнь им что-то должна. Которые забыли, что жизнь – сама по себе их бесценный дар, который, похоже, выпал им по ошибке. Я их бью под дых, чтобы дать им шанс осознать это.

Охранник помог Юлиану подняться и усадил его на стул. Парень уже продышался и теперь внимательно слушал грозного Джонса.

– Ты наверняка смотрел «Бойцовский клуб» и помнишь его первое правило – никому не рассказывать о бойцовском клубе. У нас несколько другие правила. Первое – никакой съёмки.

Он взял юлиановский телефон, положил его в сейф в стене и закрыл дверцу.

И второе правило, которое вытекает из первого. Так как даже без фото и видео ты можешь запомнить всё, что здесь произойдёт, то в конце мы тебя убьём. Ну что, по рукам?

Юрий и Эрик, которые, по-видимому, не первый раз наблюдали подобную картину, не сдержались и рассмеялись.

– Соглашайся! – сказал Клэптон, а Джонс протянул руку. Правда, как-то под углом, как будто хотел помочь ему встать.

– Хорошо, – ответил Юлиан, и Винни Джонс, действительно, поднял его на ноги и обнял.

– Добро пожаловать в Лондон!

– Хюрэй! – синхронно воскликнули свидетели этого ритуала.

– Спасибо! – растерялся Поснов, не понимая, причём здесь Лондон.

2

Лондон

Но его уже взяли под руки и повели вглубь подzemелья – мимо гардероба и уборных, мимо входа на кухню – к столикам и сцене. Последняя представляла собой небольшие подмости шириной в пять-шесть метров. Там пока никого не было, только барабанная установка и многочисленные стойки для микрофонов и инструментов. Из динамиков доносилась рождественская музыка из американских фильмов пятидесятых годов.

В конце зала светила барная стойка с нарисованной на чёрном фоне белой арфой и надписью “Guinness”. За столами – а их было не менее

пятнадцати – как ни в чём не бывало восседало много мужчин и женщин. «Как ни в чём не бывало» – в том смысле, что никто из них не удивлялся тому, что они сидят в подземелье на территории Архангельской губернии. Судя по тому, как гости этого импровизированного паба были одеты и как вели себя – сплошь иностранцы, Юлиан сразу это подметил. В гуле голосов невозможно было различить язык, но по обрывкам фраз – говорили по-английски.

Эрик с Юрием увидели в пёстрой толпе знакомых и отправились к соответствующему столику. Юлиан остался один. До сих пор гудело от удара в живот. Но ещё большее было щемящее ощущение покинутости, как будто мама в магазине приказала маленькому мальчику никуда не уходить, а сама пошла за пакетом молока. Поснов ясно ощутил, что в душе ему сейчас лет пять или шесть. В этой перспективе ему представилась и вся его жизнь, отчего вдруг стало грустно-грустно. В детстве в такие моменты могло помочь мороженое. В текущих условиях Юлиан не нашёл ничего лучшего, как подойти к барной стойке.

Бармена не было. Вероятно, позвать его можно было с помощью звоночка, как на ресепшене в отеле, но Юлиан постеснялся. В этот момент к стойке подошёл короткостриженный, но с густой чёрной бородой мужчина лет тридцати пяти. В руках у него был ворох пустых бокалов, которые он поставил на специальный столик сбоку от стойки.

– Знаете, что будет, если не нажимать? – он показал на звоночек.

– Что? – спросил Юлиан.

– Ничего, – ответил незнакомец и глупо хихикнул. – А знаете, что будет, если нажать?

Он театрально протянул палец и опустил его на серебряную кнопочку. Раздался пронзительный звон.

– Что-нибудь? – предположил Поснов, желая соответствовать акынской философии жеманного незнакомца.

– Нет. Появится Стинг и предложит вам джин-тоник. Ни в коем случае не соглашайтесь – попросите чистый джин со льдом. Ну что ж, а я в туалет.

И загадочный бородач легонько хлопнул его по плечу и прошмыгнул к чёрной ширме, за которой показался коридор и в его конце две двери. Юлиану бросилось в глаза, что на каждой была написана греческая буква «сигма»: Σ. Причём написана она была на кругляшке, который можно было вращать. Так, незнакомец повернул её по часовой стрелке – и буква превратилась в “М”, men. А против часовой – получилось бы “W”, women, догадался Юлиан. «Интересно придумано, – подумал он про себя. – Только зачем?».

– Джин-тоник? – раздалось у него рядом с ухом.

– Нет, джин со льдом, – на автомате ответил Юлиан и только тогда обернулся и увидел, что перед ним за барной стойкой стоит Стинг. – Оу, хм, э-э, здравствуйте!

– Добро пожаловать в Лондон! – как ни в чём не бывало сказал Стинг.

Юлиан успел привыкнуть к подобной... раньше бы он сказал – к чуши, но теперь выбрал бы выражение – особенности окружающих называть архангелогородскую весь Лондоном. И не стал спрашивать ничего по этому поводу. Но другой вопрос не удержался и задал, принимая бокал с терпкой влагой и кубиками льда:

– Позвольте спросить. А что вы здесь делаете?

– Подаю напитки! – как нечто само собой разумеющееся ответил Стинг.

– Да, я понимаю, – немного замялся Поснов. – Но почему? Зачем вы это делаете?

Тот метнул в Юлиана заострённый взгляд.

– Потому что это мой бар!

– Ваш?

– Да. И я отвечаю за всё, что здесь происходит! От работы кухни, для которой я вызвал целую команду поваров, до освещения сцены.

Неизвестно, что бы ещё наговорил ему Стинг – а он уже переходил на повышенные тона, – но в этот момент к барной стойке подошла девушка с огненно-рыжей косой, в которую была вплетена кружевная лента нежно-голубого цвета с белой каймой по краям. Да и весь наряд в целом больше

подходил для театральной постановки «Золушки», чем для Ньюксеницы. В смысле – чем для Лондона.

Юлиан обратил сначала внимание на платье потому, что девушка, подойдя, оказалась к нему боком, да ещё и обернулась к столику, за которым сидели её друзья. Только через мгновение, когда она повернулась к Стингу, чтобы заказать зелёный чай, Поснов увидел, насколько она хороша.

По её лицу невозможно было сказать – англичанка она или русская. Её вообще можно было бы с лёгкостью встретить как на развороте модного женского журнала, так и на картине голландского художника семнадцатого века.

Она взглянула на Юлиана, и сапфировый блеск её глаз напомнил ему о чём-то далёко-детском, когда любовь была в новинку и озаряла жизнь гораздо ярче самого блистательного фейерверка на Бали.

– Привет! – сказала она по-русски. – В первый раз?

– Привет! – ответил Юлиан. – Что в первый раз?

– Понятно! – рассмеялась незнакомка. – Не обращай внимания. Даже те, кто тут по десятому разу, сами не всегда знают, что будет. Меня Татьяна зовут.

– Юлиан.

Они пожали друг другу руки.

– Хочешь, садись за наш столик! – Новая знакомая не дала времени ответить на это предложение и продолжила: – Только придётся взять на всех пиво. Донесёшь? Спасибо!

Татьяна ловко схватила блюдце с чашкой чая и выпорхнула из диалога, оставив Юлиана наедине со Стингом.

– Твой джин.

– О, спасибо! Сколько с меня?

Поснов потянулся к своему рюкзаку, чтобы достать кошелёк. Но его руку в буквальном смысле остановил угрожающий взгляд бармена.

– В Ньюксенице не используют деньги. Не делай так больше.

Юлиан виновато кивнул и взял прохладный стакан.

– Спасибо!

– Другьям твоим что? Повторить?

– Да, пожалуйста!

Стинг отошёл к холодильнику, достал из него четыре бутылки пива «Ессентукское» и поставил перед нюксеничным новичком.

– «Ессентукское»? – хихикнул Юлиан. – Это что, шутка такая? Розыгрыш? Я понял. Я всё понял.

Он повернулся спиной к Стингу и заговорил куда-то вдаль и в потолок:

– Давайте, выходите с цветами! Где тут камеры? Дамиан, твоих рук дело? Меня везут за тридевять земель, бросают в поле, я пешком иду час, потом мы столько же трясемься на УАЗике – и всё это, чтобы послушать дуэт Клэптона и Стинга? Молодец, спасибо! Знаешь, что я сделаю в ответ? Я отправлю тебя в Сербию по несуществующему адресу и после дня скитаний без причины тебя встретят в подворотне Де Ниро и Аль Пачино с караваем в руках! Ну, где вы? Выходите!

Где-то за дальним столиком раздались жидкие аплодисменты. В этот момент из туалета вышел тот самый бородач, рассуждавший про нажатие на звоночек, и подбодрил Поснова:

– Отлично зачитал! – он начал водить ладонями, изображая рэпера. – После дня скитаний без причины // Тебя встретят Де Ниро с Аль Пачино! Молодец!

Он хлопнул его по плечу и прошёл мимо. Больше никаких оваций, цветов и поздравлений не было. Юлиан понял, что опозорился перед несколькими десятками незнакомых людей. Молча вернулся к барной стойке, угрюмо кивнул бесстрастному Стингу и забрал у него четыре бутылки пива и бокал тоника. Татьяна махнула ему рукой, показывая, к какому столику идти. Идти было неудобно, находиться здесь – стыдно. Но Поснов вздохнул и повиновался.

Он с трудом протиснулся мимо других гостей и аккуратно поставил посуду на стол, за которым сидела его новая знакомая вместе с тремя

приятелями. Одним из них оказался тот самый весельчак, который похвалил его за рэп. Он протянул ему руку и представился:

– Миша!

– Юлиан. Очень приятно!

На этом русскоговорящие закончились. Двоими оставшимися гостями оказались мужчина лет пятидесяти в ветровке цвета хаки, он представился Эдрианом, и совсем древняя бабуля лет девяноста.

– Ширли! – бодро представилась она. – А ты откуда?

– Я местный. В смысле – русский.

Пока Юлиан пытался совладать с волнением и ответить на простейший вопрос, Михаил успел сходить за пятым стулом и подставил его к их столу, чтобы новый гость мог занять место.

– Ты тут впервые?

– Да. А вы?

– По-разному, – ответила Татьяна. – Михаил второй раз здесь. Эдриан – третий. Ширли, кажется, уже раз десять была.

– Двенадцать! – поправила её бабуля. – Этот – уже тринадцатый!

– Погодите-погодите! – пытался уловить мысль Юлиан. – Как это? Сколько же раз уже был этот?..

Он никак не мог подобрать слово.

– Фестиваль! – подсказал Эдриан.

– Да, фестиваль! Спасибо. В который раз он уже проводится? И почему я о нём ничего не знаю? А ведь я бывал на многих мероприятиях по всему миру. Но про это ни разу ни от кого не слышал!

Татьяна взялась ответить на вопрос.

– Это не ты выбираешь Ньюсеницу – это Ньюсеница выбирает тебя! Дело в том, что здесь, – она обвела окружающих жестом, – нет лишних людей. Судьба отсеивает возможных претендентов, оставляя тех, кто созрел побывать в филиале творческого рая на земле. И под землёй.

– Не слушай её! – вмешалась Ширли. – Просто всех болтунов в заключительный день убивают. Вот ты что ответил Тайсону, когда он сказал, что тебя убьют.

– В этом году Винни Джонс охранник! – поправил её Эдриан.

– Ах да, спасибо! Ну так что, ты пожал ему руку? – Ширли требовала ответа у Юлиана.

– Пожал, – признался и побледнел тот.

– Ну вот! Значит, тебя прикончат, и от тебя никто не узнает про этот фестиваль.

– Прóзит! – провозгласил на это Михаил и поднял бутылку пива.

– Прóзит! – ответили ему за столом и дружно чокнулись. Юлиан в том числе.

После небольшой паузы он всё же уточнил:

– Вы же шутите, правда?

– Ну ты же не слышал до сегодняшнего дня про фестиваль? – Ширли призвала его прислушаться к голосу разума. – Вот и делай выводы.

– Да ладно, не нагнетай, Ширли! – в ситуацию вмешалась Татьяна. – Главное – расслабься и получай удовольствие! Тем более ты же за деньги сюда попал?

– Да, – удивился Поснов. – А что, можно как-то иначе попасть?

– Конечно! Можно по приглашению кого-то из участников. Можно – в результате прохождения самого сложного квеста в мире. А можно за деньги. Собственно, на эти деньги все эти фестивали и держатся. Вот, например, Эдриан. – Она указала на британского гостя. – Он настоящий благотворитель, который вкладывает сотни тысяч евро в то, чтобы музыканты мирового уровня могли собираться вместе в поистине уникальной обстановке вместе с десятками избранных поклонников.

Эдриан отрицательно качал головой, призывая не делать ему рекламы. Юлиан внимательно осмотрел своих новых знакомых. Они стали казаться ему ещё более странными.

– А ты как попала сюда? – спросил он у Татьяны.

– Я здесь живу, – призналась девушка. – Мой отец – Юрий, тот самый, который привёз тебя сюда.

Это было очень неожиданно услышать. Все невольно улыбнулись, глядя на то, как ступавался Юлиан. Для него всё становилось ещё более странным.

– Хорошо, – начал рассуждать он. – А зачем здесь оказался я? Я не меломан и не благотворитель. Не фанат дикой природы и не экологический защитник. Почему я здесь? Или с меня просто стрясли деньги, чтобы за мой счёт организовать музыкальный фестиваль? Почему я? И почему я здесь?

– Ты здесь для того, – ответила умудрённая опытом Ширли, – чтобы понять, зачем ты здесь. Я имею в виду – в этом мире. И в конечном счёте – чтобы ты умер для того мира, в котором вы не нужны друг другу, и стал жить в том, для которого ты создан. Инициация в настоящую жизнь, короче.

– Но почему я? – не унимался я. – Я какой-то особенный? Я к чему-то предназначен?

– Чувак! – по-русски вмешался Михаил. – Ты никакой не особенный и ни к чему не предназначен. Без Ньюсеницы ты бы прожил бессмысленную и бесцельную жизнь, которую не смог бы поменять по недостатку сил, и умер бы случайно. А так – ты вытянул счастливый билет, попав сюда. Перестань винить вселенную в этой удаче и попробуй повернуться к ней лицом.

Юлиан не успел ничего ответить, потому что на сцену вышел конферансье и объявил, что через десять минут начнётся выступление первой группы. После этого, как по сигналу, все зрители начали размещать свои столы и стулья по направлению к сцене и запасаться напитками – видимо, чтобы не отвлекать музыкантов своими хождениями во время их выступления. Кроме того, после объявления откуда-то из закутков и сусеков стали появляться новые и новые зрители, так что к началу концерта всех вместе собралось человек сто или даже больше.

Вскоре из-за кулис вышли первые выступающие. Ими оказались сплошь семидесятилетние старики, одетые, правда, как лондонские модники конца

«нулевых». Музыканты были одеты в сто разноцветных одежек, но с кучей застёжек. У главного на голове сверкала тёмная бандана с вышитыми золотистыми ящерицами, в руках он держал серебристую флейту.

Зал взорвался овациями. После того, как музыканты заняли свои места и подключили инструменты, их лидер поприветствовал собравшихся:

– Добро пожаловать в Лондон в этот погожий летний день! Рад видеть вас здоровыми и счастливыми, как и подобает всем, рождённым под небом нашей великой родины земли! Все мы связаны с незримой пуповиной нашей великой матери! И как бы далеко мы ни уходили от неё прочь, связь с нею никогда не теряется полностью, и она всегда готова принять нас в своё лоно обратно! Конечно, уже новыми, готовыми к большему, как созревшее в злаке семя. А готовы мы только тогда, когда всю жизнь и все силы без остатка отдали творчеству – этому главному дитю нашего земного бытия. Хочу пожелать вам как можно больше творчества в жизни. И начнём, не откладывая дело в долгий ящик. Ура!

– Ура-а!!! – ответил ему пчелиный гул голосов.

Музыкант кивнул своим соратникам, они кивнули ему в ответ, и понеслось. Выступавший с речью заиграл на флейте, которая иногда звучала как автоматные очереди. Громко зазвенел гитарный риф, бас заставил дрожать стены, а вступившие барабаны грозили разрушить весь подземный бар. И только когда лидер группы запел, у Юлиана мурашки побежали по коже. Он вдруг понял, что эта самая музыка играла сперва в турагентстве, а затем у Марии в машине по дороге в Нюксеницу.

– Эм, а кто это? – посреди грома звуков пытался перекрыть музыку Поснов, обращаясь к Татьяне.

– «Джетро Талл», – крикнула она ему в ухо в ответ. – Это любимая группа всех здесь!

То ли джин подействовал, то ли обстановка расслабила, то ли музыка поистине оказалась чудодейственной – Юлиан незаметно для себя погрузился в особенное состояние. Почему-то ему вспомнился рассказ, в котором один

ниций расспрашивал другого про «синее место», а тот никак не мог объяснить словами. «Понимаешь, – пробовал он передать суть, – это как будто ты влюбился и парись в любовных фантазиях, без голода и сна, вечно». Но вопрошавший никак не мог взять в толк, что это за синее место такое. Тогда его собеседник пошёл на решающий шаг, после которого, как он думал в своём куцем сознании, всё встанет на свои места: «Там ни сеют, ни жнут – а токмо искусство!».

Юлиан поймал себя на мысли, что всю предыдущую жизнь он был нищим, который даже и не подозревал, а потому и не спрашивал ни у кого про «синее место», – а сейчас взял и вдруг оказался в нём. Действительно: ни сеют, ни жнут, а токмо искусство! И вспомнившийся рассказ был дурацкий, основанный, кажется, на чьём-то сновидении; и само понятие смешное: «синее место», это как у Толстого «зелёная палочка»; и словечко это под старину «токмо» – а ведь взяло и выстрелило всё это в памяти и в ощущении.

Это всё музыка потрясающая, догадался Юлиан, в ней всё дело. Заставила его плясать сначала скрытно, в душе, как бы «про себя» – а потом и в открытую! Группа играла час или даже больше, но Поснов погрузился в такое состояние, где времени не было. Или оно превратилось в комнату, по которой можно ходить взад и вперёд, а можно по кругу, пустившись вприсядку. Он вдруг почувствовал себя крайне нелепо, представив, что действительно пляшет вприсядку на глазах у чопорных англичан, которые смеются над ним. Юлиан оглядел присутствующих в поисках ответа, так ли это, и с удивлением обнаружил, что все тоже пустились вприсядку, только пляшут все по-разному, но суть одна – tune. Почему-то на ум ему пришло именно английское слово.

– А ведь шотландские волынки очень похожи на кавказские инструменты! – ни к селу ни к городу прокричал он на ухо Татьяне. – И мелодии у них похожие. Это как кухни мира: все разные, а в основе у всех – жажда любви и вкус к жизни.

Татьяна молча, но многозначительно кивнула. Её движения как бы подтверждали: да, ты поймал волну! А Юлиан вдруг заметил, что слушателей

стало гораздо больше – не сто, как в начале концерта, а человек двести пятьдесят или триста. Да и пространство значительно расширилось: там, где висели плотные тёмные ширмы, оказалось ещё три ряда столов, а за ними сидели и пританцовывали десятки новых лиц. И все они сияли изнутри счастьем и радовались этому дню, как будто кроме него ничего в жизни и не было. На миг Юлиан допустил, что нет никакой земли вокруг этого странного подземного паба, который летит в пустом космосе из ниоткуда в никуда, как проблеск сна повернувшегося на бок Бога.

Группа доиграла концерт, и музыканты спустились в зал. Начались бесконечные объятия, рукопожатия и поцелуи. Проходя мимо, флейтист улыбнулся Поснову и по-доброму хлопнул его по плечу.

Стинг выставил на барной стойке батарею бокалов, которая нескончаемой чередой опустошалась, но возобновлялась каждый раз, когда уже казалось, что западная орда сметёт всё. Спустя некоторое время раскрылась ещё одна ширма, сбоку от бара, и взору гостей предстал длинный-предлинный стол, уставленный самыми разнообразными яствами.

Нечто подобное Юлиан видел всего один раз в жизни, ещё в детстве, когда отец взял его с собой на приём в посольстве. Но и там гостей и блюд было в разы меньше. Так что это был, без сомнений, самый роскошный пир в его жизни. И оставалось только догадываться, каким образом можно было доставить всю эту снедь в архангельскую глухомань. Это же несколько фур должно быть, предположил молодой человек. В этот миг он даже почувствовал гордость за то, что в большой степени стал спонсором всего этого великолепия.

И всё же одна мысль не давала ему покоя: зачем нужно так шифроваться? Он не мог найти ни одного сколько-нибудь удобоваримого объяснения. Действительно: неужели Эрик Клэптон или Стинг не могли организовать фестиваль официально? Не пытаются же они таким образом уйти от уплаты налогов? С этим вопросом он обратился к Татьяне, когда она подошла, чтобы положить в тарелку сёмгу с лимоном, запечённую в фольге на углях.

Девушка посмотрела на него с изумлением, как будто первоклассник спрашивал, зачем нужен зонт во время дождя.

– Это у них у всех как корпоратив. Они либо в туре, либо в студии сидят, новый материал пишут. Конечно, для них это радость, они же настоящие музыканты. Но им тоже иногда хочется собраться всем вместе, поиграть, выпить – без этих фанатов, папарацци, интервью, фото для журналов и прочего. Не обижайся, но ты тут, наверно, ближе всех к уровню поклонников. Ходишь такой, глаза выпучил. Они же тут все – как простые люди в своей среде.

– Так а чего они в бункер-то спрятались?

– Чтобы их из космоса нельзя было обнаружить!

Татьяна сообщила это как нечто само собой разумеющееся, и Юлиану одновременно стало неловко за вопрос, и страшно за ответ.

– Ты не волнуйся, мы обязательно выйдем на улицу! Просто сегодня погода солнечная, решили денёк в укрытии переждать. Обычно здесь хранятся вещи в период между фестивалями. А сегодня решили здесь концерт устроить. Но к вечеру мы обязательно выйдем на свежий воздух, не переживай! Лучше кушай плотнее, потому что в первый день тут такая вакханалия бывает!

– В каком смысле? – не понял Поснов.

– В прямом. Все напиваются до беспамятства и общаются с богами. Некоторые до такого состояния нарезаются, что полностью забывают всё – и где они, и кто они. Могут в грязи валяться, прямо как птицы небесные.

– Да это... язычество какое-то.

– Тут у большинства участников такой богатый опыт смещения точки сборки, что для них язычество – не больше, чем модель ума. Впрочем, некоторые вообще не пьют. Увлекаются больше травами, кореньями, марками... – Татьяна загадочно улыбнулась. – Но это всё завтра. А сегодня все бухают. Кто хочет приобщиться к вселенной, конечно.

Ясно, подумал Юлиан. И по зрелом размышлении рассудил так: ну а почему бы и нет? Подошёл к Стингу и попросил эссентукского пива. На удивление оно казалось просто чудесным – в меру терпким, освежающим и

очень питким. Восхитительный вкус особенно выделялся на фоне простенькой красно-белой этикетки и адреса производства – это были реально Эссендуки.

Поснов решил, что когда вернётся на «большую землю», то обязательно закажет пару ящиков для домашнего бара. Только как такое колоссальное количество – на складе хранились запасы в паллетах в четыре-пять «этажей» – можно было незаметно привезти из Эссендуков, оставалось для Юлиана загадкой. «А на улицу выйти боятся, – подумал он, – из космоса их, понимаете, заметят. Странно».

Впрочем, атмосфера действовала на нового гостя благоприятно. Он даже начал чувствовать себя своим в этой невероятной тусовке. Все поели и попили, хоть и не торопясь, но довольно быстро. Было видно, что здесь их привлекала не еда и питьё, а общение – в виде слов, объятий и, конечно, музыки. Спустя полчаса после собственного выступления на сцену поднялся тот самый флейтист – Юлиан запомнил: Иен Андерсон – и объявил:

– Дорогие друзья! Рад представить вашему вниманию без преувеличения – мою любимую группу за последнее время. Они из России, но практически неизвестны за пределами своего города – кстати, созвучного нашему названию. Зато это открывает для них гораздо более важные границы где-то далеко за пределами нашей звёздной системы. Итак, прошу аплодисментов для молодых гипнотизёров “Light of Truth”! – Весь данный конференс Андерсон, разумеется, произносил по-английски, но в конце для пушшего эффекта по-русски произнёс название представленной команды, но получилось по-белорусски: – «Свэт Истыины»!

Раздались приветственные аплодисменты, и на сцену вышли донельзя волосатые ребята. У лидера волосы золотисто-русый водопадом спадали ниже колен. Дреды клавишника напоминали бамбуковые трости, в которых тот, как в бочке, был заключён. Басист и вовсе стоял в волосах до пяток, как в плаще из иллюстрации фэнтези-романа. Один только барабанщик был короткострижен, что вкупе с армейской курткой делало его похожим то ли на неонациста, то ли на охотника за привидениями.

Они заиграли настолько забойный психоделический блюз, что им могли бы позавидовать ребята из “Grateful Dead”. Под стать музыке оказался хипповский текст. Вокалист проникновенным, но бойким голосом запел:

В беззаботной светлой радости

Пребываем в вечной благодати.

Обречённые заранее

На любовь без умирания.

Вокруг все пустились в пляс, и веселье началось в полный рост. На одной песне слушатели стали притопывать в такт, так что Юлиан почувствовал себя не в подземном бункере, а на фанатском секторе стотысячного стадиона. В другой раз в зале погасили свет и все зажгли зажигалки и фонарики на телефоне. Многие танцевали, другие просто обнимались и раскачивались из стороны в сторону.

После русской группы на сцену поднялись такие же волосатые и бородатые американцы. На этот раз им все сразу же стали подпевать:

Oh, this feeling is wonderful.

Don't you ever turn it off.

На песне “Holding on to Black Metal” по рядам начали передавать бутылки виски, и все желающие отхлёбывали, кто сколько хочет. Юлиан тоже не преминул приложиться к «живой воде» и с удивлением обнаружил, что неизвестная марка скотча оказалась чрезвычайно мягка и приятна на вкус.

Со временем спиртное всё сильнее меняло отношение Поснова к происходящему. От бывшего недовольства и недоверия к видимому не осталось и следа. Он расслабился и открылся окружающим. Теперь он улыбался и готов был обняться с первым встреченным незнакомцем. Ощущение лёгкости, подъём, эйфория – насыщенные чувства сменяли друг друга по нарастающей, пока, наконец, ощущение земного полностью вытеснилось небесным.

Юлиан словно бы парил в небе, не зная ни забот, ни волнений. В этот момент его осенило: так вот о чём твердили богословы всех времён и народов:

ангельское пение, полёт, порхание крыльев и восхваление Господа в его неразрывном единстве с миром!

Музыка ли, напитки, обстановка или всё вместе взятое – но Юлиан реально почувствовал связь с окружающими людьми и со всей землёй, хоть все они и находились сейчас под нею, точнее – внутри неё. В этом он угадал неслучайный символизм. Как грибница в земле, которая связана нитями со всеми другими грибами, Поснов ощущал себя неотделимой частью нервной системы человечества. Он передавал и принимал сигналы, будучи частью громадного компьютера – живого и гибкого. Миллиарды людей представились ему нервными клетками огромного мозга Бога у поверхности черепной коробки Земли.

Впрочем, состояние полёта длилось недолго. На смену ему пришли обычные при злоупотреблении спиртным походы в разные стороны, чоканья, спутанные объяснения и смутные подозрения. В хмельном угаре Поснов не заметил, как все вышли на улицу и куда-то двинулись всей толпой. Уже спустились сумерки, но шли чуть не впотьмах уверено, вслед за проводником из местных.

Пошедшего вместе со всеми Юлиана еле догнал Юрий, который принёс ему походный рюкзак. Пришлось водрузить его себе на спину и идти с утяжелением. Шли сравнительно недолго, но торжественно. Пели английские гимны, иногда кричали синхронно, а чаще чокались.

– За Эдинбург! – завопил на ухо незнакомый шотландец натурально в килте и протянул Юлиану бутылку пива.

– За Эдинбург! – завопил в ответ тот. Но вместо того, чтобы чокнуться, что и предлагал незнакомец, Юлиан взял у него бутылку – и только после изрядного числа глотков понял, что у него самого в руке точно такая же. Желая сгладить ситуацию, которая на миг показалась ему неприятной, он протянул обе тары шотландцу и предложил: – For Russian-Scottish cooperation in Macedonian shooting!

Шотландец оценил предложение Юлиана и выпил сразу из двух горлышек.

– У нас, – заметил он по-английски, – это называется «смотреть в бинокль». Правда, мы обычно пьём таким образом скотч и стаут.

Только когда все скопом дошли до Эдинбурга, Юлиан понял, что это не метафора и не фигура речи. Перед ними, в лесной посадке в окружении высоченных дубов, взору предстал новый бар с накрытыми столами. На входе в этот импровизированный ночной клуб под открытым небом, между кронами двух деревьев, висела табличка “Edinburgh. Welcome to Scotland”. А под нею стоял седовласый старик лет семидесяти пяти, в чёрных кожаных штанах и с гитарой в руке. Он начал петь и десятки голосов подхватили:

– You find the kind of girl in every town.

А в припеве и вовсе дубовый лес, казалось, стал подпевать бушующей толпе:

– Su-u-u-perlungs! She’s my supergirl and I love her!

Дальнейшего торжества Юлиан не запечатлел в своём восторженном сознании. В памяти всплывали только стаканы с виски, потрясающее вечернее небо и неожиданное очаровательное лицо незнакомки, которая заслонила собой звёзды, превзойдя их блистанием красоты.

Это уже наутро Юлиан припомнил, что девушка заботливо уложила его спать. Тогда же, в солодовом восторге, он подумал, что она зовёт его взлететь ввысь, к облакам, и парить там в благорастворении хора ангелов и тёплых ветров. Так он и уснул у векового дуба, в спальном мешке, под ангельское пение Донована.

3

Эдинбург

Утро разительно отличалось от вечера. По декорациям мира в этой отдельной взятой местности можно было предположить о британском вторжении в Архангельскую область. Несостоявшемся вторжении. Кругом – кто на траве, кто на расстеленных в ряд плащах и рюкзаках – спали шотландцы в килтах, англичане в клетчатых брюках, ирландцы в зелёных кофтах с

капюшонами, валлийцы с красно-белым драконом на майках и куртках. Такое ощущение, что всё это объединённое королевское войско двигалось на русичей, но от дуновения неведомого славянского бога помутилось в рассудке и повалилось наземь в одурманенных беленой снах.

Впрочем, в максимальной степени Юлиан ощутил это на себе. В первый миг пробуждения ему показалось, что в голову ему вставили резиновую камеру от колеса и надули её до девяти атмосфер. Причём надули зловонным воздухом, который компрессор закачивал откуда попало.

Черепная коробка буквально раскалывалась от боли и тошноты. Во рту плавали миазмы маленького химического завода, которым сейчас являлось брэнное посновское тело. Ему жутко хотелось пить, но даже литр ледяной воды не успокоил его жажды. Только к горлу стал подступать тяжёлый ком, с которым обессиленный и продрогший Юлиан героически боролся. Пока к нему не прилип, как банный лист, иззелення-бледный парнишка, внешне напоминавший настоящего панка, какими он были в конце семидесятых.

Он был в каком-то тряпье, в сплошь рваной одежде. На голове у него резал небо синий ирокез, а когда он заговорил, выяснилось, что у него нет передних зубов. Ни сверху, ни снизу.

– Есть одна математическая задачка, – зашепелявил он на расхлябанном английском, – из теории вероятностей. Представь себе пьяницу, который стоит на краю обрыва. Если он сделает шаг вперёд, то упадёт и разобьётся насмерть. Если шаг назад – выживет. Вероятность, что он сделает шаг вперёд или назад, одинаковая, потому что он стоит вусмерть пьяный – пятьдесят процентов, что он упадёт, пятьдесят – что назад шагнёт. Вопрос: какова вероятность, что этот пьяница упадёт, при условии бесконечного числа шагов?

Ещё вначале Юлиан почувствовал, что ком сильнее подходит к горлу. А сейчас, после всей этой дурацкой задачи с тупыми условиями, он еле сдерживался, чтобы его не вырвало прямо на приставшего с расспросами незнакомцами.

– Зачем вы это спрашиваете? – преодолевая позывы, спросил Поснов.

– А вот зачем, – прошепелявил панк. – Сколько бы шагов этот пьяница ни сделал – сто, или тысячу, или миллион – вероятность того, что он сорвётся с обрыва, равна единице! То есть ста процентам, понимаешь? То есть если пьёшь, то рано или поздно ты сделаешь свой последний в жизни шаг и расшибёшься к чёртовой матери.

Юлиан не смог сдерживать себя дальше. Он бросился к дереву, рядом с которым лежал пакет с мусором, и его немедленно вырвало.

– Вот, – панк поднял палец вверх, озвучивая резюме задачи и своего появления в целом, – если не хочешь в один прекрасный день сорваться в обрыв – просто никогда не пей!

И он прошествовал мимо, торжественно неся своё тело как труп, демонстрирующий миру две взаимоисключающие истины: ты есть столб жира, зашитый в кожу, с одной стороны, и ты должен прожить свою жизнь, как вдохновенный ангел с трубой, с другой. Больше его, кажется, никто не видел.

Вместе с Юлианом начали просыпаться прочие герои вчерашней ночи. Было похоже на то, как в битве погибли все воины. Их бездыханные тела лежали везде вокруг на поле, и вдруг оказалось, что снималась батальная сцена исторического фильма. И режиссёр прокричал: снято! И вяло поднимаются за минуту до того убиенные воины. И мятые они, и рожи у них шитые, и одежда грязная. Но встаёт великое воинство героев, оживает. Пьёт воду колодезную стоглоточным ртом, белый порошковый сорбент запивает.

Вместе с другими теньями вчерашних людей Юлиан отправился пить крепкий чай с булочками, которые любезно раздавала дородная немка в клетчатом платье, которую Поснов назвал про себя «Гретхен». Мало когда в жизни ему было так плохо. Какой горячий ни был чай, Юлиан выпил уже две чашки, и девушка, странно улыбаясь, наливала ему третью. Пирожки оказались как нельзя кстати, и парень почувствовал на мгновение, что сегодня ему может быть не так отвратительно, как сейчас.

После завтрака Юлиан хотел полежать под деревом, но та самая Гретхен настоятельно убедила его пойти в ту сторону, куда показывала, приговаривая

со швабским акцентом: «Кенты! Кенты!». «Какие кенты?» – вяло думал Поснов, но всё же послушался совета, резонно решив, что из нехимических лекарств от похмелья ему в жизни помогали две вещи: юмористические шоу и мелодичная музыка.

Идти пришлось недолго, и вскоре Юлиан разглядел нескольких музыкантов, которые сидели на берегу озера, играли и пели. Из разговора двух попутчиков Поснов узнал, что это не озеро, а одно из болот, которые называются Кентасские, или проще говоря – Кенты. Только тут Юлиан понял, что имел в виду водитель Юрий, когда говорил, что они едут к кентам. Это были не люди – это были озёра! Точнее, болота. Но внешне они казались именно озёрами – полноводными, живописными, в окружении богатой зелени, как на картине Левитана или Шишкина.

Юлиан подошёл ближе и, кажется, узнал певшего музыканта – это был Борис Гребенщиков. Поснов мало интересовался его творчеством, но в лицо, конечно, знал. Спустя десяток шагов развеялись последние сомнения: это был БГ.

На нём была разноцветная рубашка навыпуск и затёртые голубые джинсы с вышитыми золотыми драконами. Под поседевшей бородой от пения трясся ярко-красный шейный платок, а серебряное кольцо в ухе ударялось о шею в такт песне: тан, тан. На голове у Гребенщикова была повязана бандана с чёрно-белыми черепами, а в той её части, что прикрывала лоб, сверкал золотой значок в виде поднятой ладони. Музыкант сидел на каком-то пне с гитарой в руке и мелодично пел:

– Пили, пили, а проснулись – а день пахнет ладаном! А кругом высокий лес, тёмн и замшел.

Гребенщикову подыгрывал целый оркестр музыкантов на разных инструментах. Слева от БГ похожий причёской на Полунина контрабасист самоотверженно зажимал толстые струны на широком грифе. Совсем молодой аккордеонист, выводя замысловатые пассажи, длинной чёлкой разрезал воздух то вправо, то влево. Бритый наголо флейтист пританцовывал, как фавн средней

полосы Нортумбрии. А скрипач был похож на шахматиста: чёрный пиджак с белым платком, чёрные очки с белым шарфом, брюки в чёрно-белую клеточку.

Справа от БГ саксофонист в бумажном пальто до колен рисовал в воздухе ритмические риффы, а ногами попеременно вколачивал невидимые сваи. Первый барабанщик в условиях акустической импровизации просто ударял тамбурин о ладонь, в то время как второй, почему-то в футболке с надписью «Сплин», негромко наигрывал ритм на дарбуке. Ментальный почерк выступлению придавал улыбающийся шаман, который то звенел связкой колокольчиков, то задорно бил в полуметровый бубен.

От музыки Юлиану действительно стало легче. Вот она, животворная сила искусства, подумал он. И тут же поймал себя на мысли, то это не искусство, а некий обряд, практика восхваления мироздания, озвученная благодарность природе, литургия до появления религии.

– А мы хотели дать весёлый знак ангелам, да потеряли их из виду, замечая следы.

«Странно, – подумал Юлиан, – следы своих дел? И перед кем замечать – перед Богом? Оттого и ангелов потеряли из виду? Гм, странно. Но что-то в этом есть!».

Чем дальше, тем больше игра музыкантов напоминала не концерт, а священнодействие. Как если бы актёры драматического театра вдруг вышли в поле и не сговариваясь начали бы играть спектакль. Не для зрителей – для своего удовольствия, для собственного вооживления. Оттого, что это занятие приносит им радость. Оттого, что проводя жизнь в этом действе, они её именно проживают, а не высидывают на стуле в ожидании занавеса.

Вдруг кто-то в собравшейся толпе – совсем рядом с Юлианом, так что он отчётливо расслышал – сообщил приятелю по-русски:

– БГ исполняет ритуальные заклинания, чтобы сохранить молодость в течение семисот лет. А люди думают, что это музыка.

«Интересная интерпретация, – подумал Юлиан. – Может, есть что-то в этих вакханалиях? Сначала возлияния напрочь убивают твой мозг – белковые

соединения в ужасе эвакуируются по синапсам в пот и мочу. А когда у тебя пустеет голова, сохнет рот и отнимаются руки – приходит осознание чего-то на самом деле истинного! И музыка как бы отшелушивает налёт с твоих душевных очей. В итоге ты прозреваешь – и тебе больше не нужен ни виски, ни джин».

– А мы пропали бы совсем, когда б не волки и вóроны. Они спросили: вы куда? ах, вы до тёплой звезды!

«Аквариум» доиграл песню, и раздались аплодисменты уже довольно внушительной аудитории. У берега собралось человек сто или больше. Все внимательно слушали и качали головой в такт, хотя большинство из честной компании не понимали по-русски. Видимо, с творчеством Гребенщикова они были знакомы ещё у себя дома, а сейчас с удовольствием слушали, ловя благодатный tune.

– Спасибо, любимые! – провозгласил Гребенщиков. Даже за семисотлетней бородой ему не удавалось прятать молодого и задорного Боба, который играл с Майком и Цоем.

Затем бодро заиграл аккорд и под аккомпанемент скрипки запел:

– Тем, кто держит камни для долгого дня, братьям винограда и сёстрам огня...

Редкие русскоговорящие слушатели стали подпевать. А улыбчивый шаман, на рукаве которого Юлиан заметил нашивку со странным восклицанием «О! Шар», начал энергично бить в бубен, чем распугал ворон с ближайших деревьев. Поснов внимал загадочным словам, пытаясь уловить их смысл. И совсем растерялся, когда на припеве вдруг запели все хором, но он сам не понял ни слова:

– Скир хланое келедрим, ласто мха! Скир хланое эленна, эдро нин мха! О, Варда теллумар Гилониэль, ласто мха!

– Что это за язык? – прокричал своему соседу на ухо Юлиан.

– Эльфийский! – прокричал тот в ответ.

И прозвучало это так, как будто было самоочевидным. «Куда я попал? – удивился Юлиан, хотя за последние пару дней успел привыкнуть к тому, что

удивляться бессмысленно. – Кто все эти люди? И в конце концов, эльфы – это разве не вымышленные существа?».

– Дорогие наши, любимые! – воззвал Гребенщиков, когда доиграл песню. – Обычно наши выступления проходят в концертных залах, где люди сидят вплотную друг к другу. Лишь некоторым удаётся занять место в проходе и танцевать, как того и требует музыка. Сегодня у всех нас удивительная возможность вести себя в полном соответствии с тем, к чему песня склоняет ваше сердце. Вы можете пуститься в пляс, или лечь на землю, чтобы любоваться облаками, или взлететь вверх и парить, как воздушный змей. Всё в ваших руках и в вашей вере! А мы – просто сыграем для вас, чтобы вы почувствовали любовь Бога, которая заложена в каждом из нас! Аншанте!

После этого боевого клича игриво заиграла скрипка, а Гребенщиков запел:

– Джульетта оказалась пиратом, Ромео был морской змеей!

Многие действительно прилегли на землю, а некоторые последовали совету и воззрились в небеса. Впрочем, нашлись и те, кто организовали весёлые плясовые хороводы. Юлиан избрал срединный путь и продолжил слушать музыку стоя, притоптывая в такт ногой.

– Не стой на пути у высоких чувств! – закончил песню Борис Борисович, и вокруг раздались оглушительные аплодисменты. Кто-то выкрикнул: «Капитан Африка!», и Юлиан понял, что слушатели начали просить исполнить определённые песни, потому что дальше были возгласы: «Иванов», «Железнодорожная вода» и так далее.

Гребенщиков поначалу молчал, всматриваясь в лица просителей, а затем заметил:

– Не знаю, совпадение это или нет, но вы называете песни по возрастианию, гм, древности. 83-й, 82-й год, 80-й. Кто ещё более ранние вещи вспомнит?

Тут началась великая многоголосица, длившаяся целую минуту или даже больше. Вдруг Михаил – тот самый, с которым Юлиан познакомился одним из первых здесь, – выкрикнул что было сил: «Любишь ли ты меня?».

Многие рассмеялись, и юмористический эффект даже усилился, когда БГ уточнил:

– Это вопрос?

– Нет, – пояснил аквариумофил, по-прежнему крича, чтобы пересилить всеобщий гул, – это песня. Там есть такие строки: «Когда мы с тобой боролись на сталепрокатном станке». Помните?

Гребенщиков отчего-то заметно стушевался и густо покраснел. А те из слушателей, которые понимали по-русски, переспрашивали друг у друга: «боролись или поролись?».

– Ничего себе вы вспомнили! – нарушил паузу Борис Борисович. – А что, сохранилась какая-то запись?

– Да! В хорошем качестве, кстати!

– После концерта тогда поделитесь, пожалуйста! Это одна из редких песен «Аквариума», посвящённая наиболее телесным проявлениям той исихастской практики, которые люди называют любовью. По счастью, никто из нынешних музыкантов группы не помнит, как её играть, а слова были записаны на бересте рядом с Финским заливом, но её унесла красношейная гагара, чтобы свить гнездо для потомства. А вот по поводу сохранения целомудрия есть одна неплохая песня.

И после небольшого гитарного проигрыша Гребенщиков завёл:

– Я учусь быть Таней, возвращаюсь каждый вечер к утру!

Вокруг весело заплясали, и Юлиан даже попал в импровизированный хоровод. Однако общее слабое его состояние не позволило продлить празднование, и он вырвался из цепочки и отошёл в сторонку.

– Пеликан и ёж ходят с огнём по границе между мной и тобой.

«Пеликан или великан?» – снова зашушукались слушатели.

Странная песня, в которой весёлая плясовая тема была переплетена с зашифрованными этическими императивами, закончилась под бурные рукоплескания. Едва они утихли, как вновь возродились, причём ещё с большей

силой. Всё дело в том, что Гребенщиков сообщил, что они впервые сыграют новую песню, которую никто никогда не слышал.

Музыкант тихонько заиграл на гитаре и после вступления запел, но так тихо, что окружающим пришлось затихнуть до нуля и напрячь слух, чтобы разобрать слова. Текст показался Юлиану странным:

– И мы течём, как река, из неба, где наш дом, в небо, где наш дом.

За пару дней Поснов успел привыкнуть к парадоксальности всего происходящего и произносимого. «Ну что это за река, которая течёт из неба?» – со жгучей злобой непонимания спросил самого себя Юлиан и поднял глаза к облакам. Вдруг он почувствовал – остатки ли вчерашней вакханалии были тому причиной или медовая сладость песни – неразрывную связь между собой и небом. Как будто небосвод, такой многозвёздный ночью и сине-огромный днём, был ему и всем живым существам отцом, а воздушная сфера, вдыхающая в нас живительный воздух, – мамой. И он, Юлиан, просто вышел с друзьями на прогулку длиною в земную жизнь. Но вскоре он вернётся по реке судьбы обратно в небо, в родной дом, к настоящим маме и папе.

От этой мысли Юлиану в какой-то момент стало не по себе. Он почувствовал, что физическое его состояние сейчас настолько шаткое, что он действительно может умереть. И все привидевшиеся ему образы вдруг до смерти его напугали. «Тьфу ты, буддизм какой-то! – подумал он, чтобы хоть как-то успокоить себя. – Как будто в круговорот сансары попал».

Гребенщиков, между делом, продолжал петь. И новые слова рождали в сознании Юлиана новые образы. Благо что слова были искрящимися и падали они на почву, изрядно пропитанную легко воспламеняемой жидкостью.

– Там от бессмертия устав, сидит ковбой, мудрый сам собой, весь из ветвей и трав.

«О ком это? – подумал Юлиан. – Про Будду, что ли, поёт?».

– А нам так хотелось спать, но под кроватью дремлет тать.

«Ну а это о чём? – фантазия Поснова набирала обороты и начала работать, казалось, в отрыве от рассудка. – Если жизнь есть сон, то хотеть спать – значит

жить в физическом мире. В этом случае дремлющий под кроватью тать – это будильник, который не даёт нормально пожить, поспать в мороке обманчивых наваждений в виде разного рода удовольствий. Но если наоборот и «хотелось спать» означает побыть вне перерождений, то получается, что тать не даёт нормально посуществовать как никто и нигде, но заставляет просыпаться во всё новых и новых жизнях. В этом случае дремлющий под кроватью – это неизбывный закон жизни-смерти, сна и яви. Но почему он тать и почему дремлет? Может, и ему всё это снится, как в той песне «Сплина»? Тьфу ты, вот тоже цепочку мыслей запустил!».

Заключительный взглас Юлиан адресовал, разумеется, Гребенщикову. Но тот не мог догадываться о такой реакции и допел песню с радостной улыбкой во всё лицо.

– Спасибо, любимые! Мы сыграем для вас ещё один раз вечером! А пока, перед путешествием на остров, мы споём ещё одну песню.

Что за путешествие на остров, Юлиан не понял. То ли вся честная компания отправится на некий реальный остров посреди озера, то ли все слушатели вознесутся на кусок тверди в небесных куцах. Но Гребенщиков уже пел, и Поснов перестал размышлять над этой дилеммой.

– Пабло, я восхищён твоим талантом тащиться! Скажи, откуда ты всё время берёшь тех, кто согласен тебя тащить?

Настроение песни, испанская лёгкость бытия передалась Юлиану, и он понемногу успокоился. Он даже стал беззаботно пританцовывать, пока не прозвучала странная теза:

– Но если хочешь научиться красиво жить, давай сначала научись умирать!

Эта фраза, как молотком вбитая в череп, так засела в голове Юлиана, что он никак не мог успокоиться. Уже закончилось выступление и музыканты обнялись и трижды поклонились. Уже обнялись все, кто хотел обняться, со всеми, кто был к этому открыт. Уже и у самых заинтересованных слушателей закончились вопросы к Гребенщикову, а Поснов всё стоял и не решался

подойти. Что он спросит? Он хотел вскочить на заднюю подножку последнего вагона уходящего поезда, но его опередили, и Юлиан опоздал.

– Борь! – К Гребенщикову подошёл бородатый мужчина в странном головном уборе, представлявшем собой промежуточное звено эволюции между туркменской тюбетейкой и афганской пуштункой. Судя по всему, они были с БГ приятелями. Окружающие зашушукались: «Александр Липницкий». Кто это такой, Юлиан не знал. В руках мужчина держал брошюру с жёлто-чёрной обложкой с портретом Гребенщикова в центре. – Посмотри, тут мне книгу подогнали, называется «Цитатник Аквариума».

– Оу! Правда? – удивился музыкант. – И что там?

– Берут твои песни и ищут цитаты из литературы, священных книг, «Дао дэ цзин», из других музыкантов.

– Ну и как, по делу?

– Ну вроде да. Тут много про что. Вот из последнего, смотри, написали про цоевские «Дети минут» и про перифраз «как много комнат». Из твоей песни «Глаз», которую Витя обыграл, нашли отсылку к «очень жёсткому дождю» Дилана. Ну то есть не мальчик-поклонник написал.

– А кто, девочка? – схохмил Гребенщиков.

– Ну, я имею в виду, что вроде смышлёный автор. Не такой, который: а вот «Три сестры» – это такая пьеса у Чехова есть.

– Много чего узнал? – Гребенщиков улыбнулся широкой белозубой улыбкой.

– Да вот ты сейчас про пеликана и ежа пел, например. А тут, – Липницкий пролистал до нужной страницы, – всё написано. Что это из книги пророка Исаяи про гнев Господень, который огнёмёт пометит землю, так что по ней смогут ходить только пеликан и ёж. Потому что только эти животные могут жить в условиях полностью выжженной земли.

– Всё, раскрыли тебя, Борь! – проходивший мимо Саша Титов хлопнул его по плечу.

– Так, давай ещё! – Гребенщикова, видимо, подзадорили поиски цитат в его песнях. – Что там ещё интересного есть?

Липницкий открыл оглавление и стал предлагать варианты:

– Сам себе пастух и сам дверь?

Гребенщиков отрицательно закивал:

– Это оттуда же, только чуть позже! – видимо, он имел в виду Ветхий и Новый Завет.

Липницкий повёл пальцем по содержанию ниже.

– Понял. Молитву и пост тогда тоже не берём. Смерть, где твоё жало – понятно. Ламы линии Кагью?

БГ и это отверг:

– Общеизвестно.

– Говорящий не знает?

– Это из Лао-цзы.

– Борь, ну так мы вообще ничего не обсудим! Давай я сейчас найду что-нибудь, о чём не знаю, и зачитаю. А ты скажешь – правда или нет?

– Давай! – согласился БГ.

Липницкий пробежал глазами по списку и поднял палец:

– Так, смотри! Охота на единорога – это фильм про пленного советского лётчика, которого сажали за штурвал старого самолёта, а немецкие пилоты на современных истребителях тренировали на нём воздушный бой. Правда?

– Правда, – признал Гребенщиков, – был такой фильм!

– О как! – удивился Липницкий. – Хорошо, давай дальше. Так, так. Вот, смотри. В песне «Болота Невы» образ мёртвых солдат на еловых ветвях появился после общения с шаманкой из Лхасы.

– Да, – подтвердил БГ, – шаманка Лхамо, когда приезжала в Петербург, уверяла меня, что на еловых ветвях полно душ мёртвых солдат. Они её очень тяготили своим присутствием. Кстати, знаешь, почему на Новый год ставят ёлку? Она вбирает в себя всю негативную ауру, после чего её нужно выбросить.

– Серьёзно?

– Да.

– Очень интересно. Смотри, пока всё правда оказывается. Ещё цитату?

Музыкант кивнул.

– Так. Сарынью на кичку – это я сам знаю. Ткачиха – понятно. А вот это интересно! «Но я сохранил твои вещи – даже эту голову из Сан-Тропе». Читаю? «Дело в том, что на пляже Сан-Тропе есть необычная инсталляция, выполненная из целых и разрезанных на части голов Ленина. Вот, например, баскетболист Мейджик Джонсон с женой фотографируется на фоне «этой головы»».

Гребенщиков приблизился, чтобы рассмотреть фотографию, а Липницкий дочитал фрагмент:

– «Получается, «Зимняя роза» – всё-таки песня про революцию?».

– Гм, – БГ прижал большой и указательный пальцы к подбородку, – да, неплохое расследование. А про «Послезавтра» есть?

Александр Липницкий вернулся к оглавлению.

– Да, есть. «Послезавтра» – вымышленная песня Майка Науменко из его «Рассказа без названия»: «Завтра меня здесь уже не будет, но послезавтра я опять буду здесь».

– Гм. А «Отец яблоч»?

– Секунду. Да, есть! Так с казахского переводится название Алматы.

– Гм! – Гребенщиков заинтересовывался изданием всё больше и больше. – А про «Дарью-Дарью» есть что-нибудь?

– Сейчас посмотрим. Да, пишут, что песня посвящена полковнику МЧС Дарье Кочневой.

– Полковник уже! – Гребенщиков хлопнул себя по ляжке. – Как время течёт! Когда мы познакомились, она была лейтенантом. Так, ну что-то получается, всё он знает, этот автор. Дай-ка я взгляну!

Он забрал у Липницкого книгу и погрузился в оглавление.

– Так, «скипси драк». Читаю. «Если искать “skipsy druk”, то онлайн-словарь подсказывает: язык оригинала – нидерландский. Переводится

словосочетание как «скачкообразное давление». Всё, вот это не правда! Вот найти бы этого автора – и...

Он свернул брошюру и сделал руками такое движение, как будто выжимал мокрое полотенце.

– Так там телефон есть! – подсказал Липницкий. – Ты позвони и всё выскажи!

– Серьёзно? – он открыл последнюю страницу с выходными данными и нашёл номер. – Действительно. Ну держись!

Борис достал смартфон и набрал нужные цифры. Некоторое время висела тишина.

– Здравствуйте! – он добавил щепотку бляения к своей грозной речи. – Это Борис Гребенщиков. У меня в руках сейчас ваша книга «Цитатник Аквариума». Я её внимательно изучил, и у меня к вам огромная просьба: не пишите и не публикуйте больше ни строчки про мои песни и про «Аквариум». Договорились? Всего доброго!

Он положил трубку.

– Что он сказал? – поинтересовался Липницкий.

– Ничего. Там гудки не прошли, и всё записалось на автоответчик, – признался Гребенщиков.

Они вдвоём рассмеялись и по-дружески обнялись.

Юлиан, который всё это время наблюдал за разворачивавшейся картиной, не смог вытерпеть такого поступка и не сдержал себя.

– Как вы можете так себя вести! Вероятно, эту книгу писал человек увлечённый и преданный вашему творчеству. А вы взяли и растоптали его лучшие порывы!

Гребенщиков наклонил голову и немного опустил очки, чтобы разглядеть незнакомца.

– Вам придётся лично убедиться, – доверительно признался он, – какая я на самом деле сволочь! Поверьте мне на слово, Юлиан!

Поснова обдало щиплющим холодом.

- Откуда вы знаете моё имя?
- Я знаю по именам всех.
- Всех присутствующих на этом фестивале?
- Всех на земле!

И он просверлил Юлиана взглядом, так что молодой человек на миг поверил в сказанное.

– Послушайте, – вмешался Липницкий, потому что диалог становился очень странным, – это наш хороший знакомый. Борис его лично знает, он от него уже не первую книгу получил. Это у них такие подколы, типа «музыканты шутят». Незнакомого человека он, конечно, никогда не обидит. Ну а то, что он угадал ваше имя...

– Да не угадал я – я действительно всех по именам знаю! – Гребенщиков снял очки и указал на миниатюрную камеру по центру оправы. – Вы думаете: почему я всегда в очках? Это настоящий миникомпьютер. Камера сканирует лицо, ищет в интернете соответствие и показывает вот здесь, с обратной стороны, страничку в соцсети. Так что я буквально вижу имена и фамилии всех людей.

Борис элегантно водрузил очки на нос и указательным пальцем придвинул их к переносице.

– Так о чём вы хотели меня спросить, Юлиан? Я по вашему лицу заметил, пока мы с Сашей обсуждали книгу, что у вас ко мне какой-то вопрос.

– Честно говоря, да, Борис... – признаться, он забыл отчество Гребенщикова, но так вышло даже лучше: все англичане называли его просто «Борис». – Я вот тут слушал ваши песни, пытался вникнуть в тексты. А что значит фраза: научись умирать, чтобы научиться жить?

– Этого нельзя объяснить словами, это нужно пережить лично.

– Отлично! – Юлиан даже руки опустил от разочарования. – Мне кажется, это стандартный ответ вашей когорты – людей, которые делают вид, что всезнающи, а на деле – пустой пшик.

– Вот! – одобрительно закивал Гребенщиков. – Это уже ближе к сути. И про пустоту отлично сказано. Только не «пшик», а «хик». Есть такой ламаистский обряд – хик и пхет. Пойдём, я отведу тебя к шаману – на твоё счастье он оказался здесь вместе с нами. Он проведёт над тобой обряд, в ходе которого ты умрёшь, а потом вернёшься к жизни. Это я и имел в виду, когда говорил «пережить лично».

И музыкант уверенно повёл за локоток Юлиана к невзрачной палатке в отдалении ото всех.

– Подождите, как это – проведёт обряд, в ходе которого я умру?

Гребенщиков даже остановился от неожиданности.

– Ты не хочешь научиться красиво жить? – искренне удивился он.

Юлиан на секунду задумался. Его вопрос касался, собственно, текста песни. А тут он вдруг понял, что здесь никто не играет и не шутит. Если хочешь быть счастливым – вот тебе рецепт, но только бери и делай всё прямо сейчас!

– Хочу, – по некотором размышлении ответил он.

– Тогда тебе это *надо*. – Борис Борисович разговаривал, как мама с маленьким сыном, который не хочет входить в кабинет к зубному. – Ты готов перебороть страх перед неизведанным? Отвечай.

– Готов! – решился Юлиан. Честно говоря, он вообще не понимал, что он делает и зачем. Его застали врасплох, и он вдруг согласился на какую-то невероятную авантюру. Что за обряд? Как это – он умрёт, а потом вернётся к жизни? Да и состояние его после вчерашнего было такое, что он и согласиться мог безвольно, и действительно умереть от какого-нибудь воздействия над ним. Тем более – шаманского обряда.

Гребенщиков снял со своего запястья серебряный браслет с чернёными черепами и наказал вручить его при встрече ламе. После чего подвёл бледного Юлиана к палатке и втолкнул внутрь со словами: «В добрый путь!».

Внутри было темно и пахло травяным чаем. В дальней части палатки сидел, скрестив ноги, сухой старик в рваном тряпье. Он поворачивал в руке

медный барабанчик и что-то безмолвно шептал. Юлиан подождал некоторое время. Его глаза успели привыкнуть к полумраку импровизированной ламаистской кельи.

– Ты говоришь по-английски? – спросил пришельца шаман, дочитав молитвы.

– Да, – ответил Юлиан и протянул хозяину браслет. Тот принял его с интересом, но практически сразу отложил в сторону.

– Что самое страшное ты совершил в жизни?

Поснов замялся. Он не знал, что ответить. Постарался вспомнить действительно ужасный поступок. Но на память пришла только девушка, которой он воспользовался на квартире друга, а после того, как она заснула, тихо вышел, захлопнув за собой входную дверь. Юлиан не мог решить, является ли это преступлением в масштабах человеческой судьбы или нет.

– Ты не можешь назвать самое большое злодеяние, – перебил его мысли шаман, – потому что не помнишь свою прошлую жизнь. Посмотри сюда.

Жестом он пригласил приблизиться его к своей ладони, в которой держал что-то, что хотел до времени скрыть. Когда Юлиан наклонился, шаман раскрыл ладонь и дунул в неё. Хранившая там зола попала гостю в глаза и нос. Он закашлялся, а когда открыл глаза, то застал себя древним полководцем, который пошёл войной на соседний народ, чтобы завладеть женой их царя, ослепительной красавицей и танцовщицей. Юлиан видел перед собой сотни рядов из дрожащих от страха юношей, которые шли на осаду дворца и падали от стрел мёртвые на тела соплеменников, убитых секунду назад.

– Неблагодетельные желания приводят к чудовищным и непоправимым последствиям. Ты не помнишь этого, но ты шёл к жизни в теле человека сотни перерождений после той резни. Теперь не позволяй низменным желаниям сбить тебя с истинного пути.

Видение Юлиана рассеялось, и он вновь смог разглядеть бледное лицо шамана. Оно не вызывало страха – скорее парализовало, как удав кролика. Юлиан хотел встать и убежать прочь, но словно чужая воля заставляла его

сидеть на месте, а тело будто обкололи обезболивающими, из-за чего нельзя было пошевеливать даже пальцем. Шаман в это время дошептал заклинание на непонятном языке.

– Сейчас ты почувствуешь, как друг за другом будут отключаться твои восприятия, – не бойся этого, через десять минут ты полностью вернёшься в нормальное состояние. Сначала ты станешь видеть мутно, как в тумане, затем зрение исчезнет вовсе – не бойся этого. После этого ты перестанешь различать запахи, не сможешь осязать пальцами ничего вокруг, наконец – мой голос угаснет наравне со всеми звуками мира. Настанет полная тишина – но не пустота.

Шаман снова что-то прошептал и потёр в руках травку – запахло чем-то отдалённо похожим на обжаренный базилик.

– Твоя мысль останется неустанной. Сначала не имея в своём поле ни одного образа, твой ум вскоре обнаружит всю полноту познаваемого мира. Но для этого я должен буду высвободить твой дух из клетки тела – не бойся этого!

Мистик начал вполголоса читать заклинания, и Поснов постепенно закрыл глаза. Затем его тело полностью расслабилось, и он словно заснул, уронив подбородок на грудь. Несколько минут шаман камлал, после чего поджёт пучок травы, и дым резким скачком бросился вверх, в маленькую дырочку в вершине палатки. Лама глубоко сосредоточился и стал, как две капли воды, похож на Юлиана – не внешне, а психически, что ли. Наконец, он глубоко вздохнул и громко, отдельно и с яростным вызовом произнёс:

– Хик! Пхет!

Голова Юлиана непроизвольно вздрогнула, но тут же опустилась на грудь. Лама тоже словно заснул и безвольно склонил голову.

Душа Юлиана, как огонь через дырку в палатке, вышла из головы через темя и воспарила вверх. Она продолжила всё видеть, слышать и осязать, только чувства эти стали словно воспринимаемы едины органом, новым, которого прежде не знал телесный человек. Перед этим, правда, словно, молния сверкнула в небе, и освобождённой душе захотелось слиться с этим белым

светом – но пока она решалась, ослеплённая внезапно ярким сиянием, электрический отблеск исчез.

Юлиан – продолжим называть его по мирскому имени – взлетел над всю твердь до горизонта и мог наблюдать за всеми происходящими событиями одновременно, без потери полноты картины в каждом отдельно взятом случае. Но одно событие почему-то привлекло внимание парящего.

Вдали от общих скоплений людей, за небольшой посадкой, девушка набирала воды из колодца. По тропинке к ней подошёл Гребенщиков – Юлиан ещё удивился, что он так быстро с момента их расставания смог преодолеть расстояние в несколько километров – и попросил пить. У девушки был деревянный кушак, и она наклонилась, чтобы перелить ключевой воды. Вдруг музыкант одной рукой подлез ей сзади под подол платья, а другой схватил за талию и с силой прижал к себе.

По счастью, девушка оказалась не из робкого десятка. Она смогла отпихнуться от насильника и, убегая, даже успела отвесить ему звонкую пощёчину. Гребенщиков, который перешагнул 65-летний рубеж, пытался догнать свою жертву, но вскоре отстал.

– Ну и беги, жалкая девка! Чтобы ты ногу сломала, когда будешь прыгать через ручей! – Её путь, на обозримом сверху расстоянии, действительно, преграждал ручей.

До глубины души Юлианову душу поразила грубость Гребенщикова, его животная похоть, причём уже в почтенном возрасте. Неужели все музыканты, которых называют звёздами, такие же двуличные подонки? Поснов вспомнил слова БГ: «Вам придётся лично убедиться, какая я на самом деле сволочь!».

Но что-то в этой истории было не так, и Юлиан продолжил следить за маршрутом девушки. Она без увечий перескочила ручей и вскоре подбежала к дому, одиноко стоявшему на отшибе маленькой деревеньки неподалёку от озёр. Спасаясь от изверга забежала внутрь, и Юлиан вдруг заметил, что крыша словно исчезла или стала прозрачной, как в компьютерных играх, так что он смог увидеть всё, что произошло дальше.

Девушка бросилась в объятия к отцу и всё ему рассказала. Выяснилось, что неудавшегося насильника она не знала в лицо, но подробно описала его внешность, так что папа догадался, что это Гребенщиков, который прибыл сюда на музыкальный фестиваль. Сомнений быть не могло: лидер «Аквариума» покушался на невинность его дочери.

Отец девушки рассудил так (он ничего не сказал вслух, но Юлиан смог прочесть его мысли): правила поведения, обязательные для обыкновенных людей, непригодны для рок-гуру, обладающих сверхъестественными знаниями. БГ не обязан соблюдать ни нравственные, ни какие-либо другие законы, поскольку его действия диктуются высшими соображениями, недоступными для понимания простых смертных.

Вслух же страннологичный папаша объявил:

– Дочь моя! Этот человек – великий Борис Гребенщиков. Всё, что бы он ни делал, – во благо. Вернись к нему, пади к его ногам и сделай всё, чего бы он ни потребовал.

От услышанного у девушки побелели губы. Но она не стала перечить отцу и с сокрушённым сердцем вернулась к колодцу.

Гребенщиков сидел на камне и о чём-то сосредоточенно размышлял, так что девушке даже пришлось коснуться его плеча, чтобы вывести из оцепенения. Она извинилась, что сопротивлялась ему, но объяснила это тем, что не знала, кто он. Теперь же она готова сделать всё, что он ей прикажет.

– Дитя моё! – поучительно начал он. – Любовь, требующая себе жертв, не может быть истинной. Настоящая любовь та, которая хочет осыпать дарами, ничего не ожидая взамен. Знаешь, почему я так поступил с тобой вначале? Дело в том, что сегодня умер Юлиан Поснов, который был здесь на фестивале в качестве гостя, купившего приглашение. Он прожил недостойную жизнь и умер в духовной слепоте. Я заметил в небе его блуждающий дух, который мог бы в мгновение ока вырвать его из цепи перерождений. Ему достаточно было слиться с ясным светом, но он предпочёл новое, несчастное перерождение, влекомый привычными страстями своей низкой души.

Гребенщиков с усилием потёр пальцами виски.

– Из милосердия я предоставил ему своё тело, чтобы он обрёл новое воплощение в человеческом облике, совокупившись с тобой. Но тяжесть его злых дел пересилила – ты отбилась и убежала. Пока ты была у своего отца, дикий кабан вон в том лесу, – он указал на отдалённую посадку, – осеменил кабаниху. Так что скоро Юлиан возродится в теле дикой свиньи.

Душу Юлиана как колодезной водой обдало. Как же так – недостойная жизнь? Как же это – тяжесть злых дел? Как так – умер и возродится свиньёй?

В заключение Гребенщиков спросил:

– Назови своё имя, чтобы тебя можно было узнать?

Девушка потупила взор, а затем подняла глаза и тихонько произнесла:

– Василиса.

– Да не мне! – улыбнулся БГ, – я знаю все имена. Скажи это ему!

И он поднял указательный палец в небо – точнёхонько в то место, где парила душа Юлиана.

Девушка подняла глаза ввысь и громко, так чтобы эхо повторило её имя, прокричала:

– Ва-си-ли-са!

Как только звуковая волна достигла Юлиана, он вдруг очнулся, открыл глаза и обнаружил себя перед спящим шаманом, который, впрочем, тоже скоро пришёл в себя. Поснов в полном смысле ощутил себя, как заново родился. Неужели его душа и впрямь выходила из тела и парила под облаками? Юлиан не мог сосредоточиться на этой мысли, потому что ум в тот момент представлял собой планшет – полностью исправный, но с напрочь стёртой памятью.

– Что это было? – спросил он у ламы заплетающимся языком. Тот развёл руками и ответил по-английски:

– Как я могу это знать? Я же не знаю русского!

Поснов с усилием приподнялся и встал. Коротко поблагодарив за обряд, он вышел наружу. Здесь всё было по-прежнему, разве что лица слушателей

повеселели с утра, а на сцене, возведённой в обрамлении берёзовой рощи, выступала новая группа.

У Юлиана слегка подкашивались ноги, и он решил подкрепиться. Пройдя мимо мастера по изготовлению браслетов и кружкá по росписи керамической посуды, Поснов приблизился к полевой кухне, которая манила его ароматным пловом в темпе зиры с нотками базилика и эстрагона.

Тонкая, как виноградное деревце, девушка с улыбкой подала Юлиану тарелку плова и стакан киселя. Молодой человек с жадностью всё съел и выпил и попросил добавки.

– Подходите к основной сцене, – всё с той же очаровательной улыбкой пригласила его красавица на раздаче. К удивлению Юлиана, говорила она по-русски. – Сейчас там начнётся самый зажигательный блюз, который вы слышали в жизни!

Поснов поблагодарил за совет и за обед. Сытый, но по-прежнему опустошённый душевно, он побрёл в сторону сцены. И не переставал удивляться тому, что от вчерашнего питейного загула не осталось ни следа. Никто не выпивал, не чокался и не обнимался. Некоторые, правда, курили что-то из прозрачных колб. Но в основном гости фестиваля медитировали, занимались йогой, просто лежали на траве или занимались самыми разными вещами в кружкáх по интересам.

Поодаль от сцены Юлиан заметил странное скопление старцев. После пройденного обряда он даже поймал себя на мысли, что это недавно умершие старики вдруг воскресли на три дня фестиваля и явились сюда в седых, как паутина, бородах. Интерес заставил Поснова подойти поближе. Никто не обратил на него внимания, так что ему удалось подслушать разговор.

Выяснилось, что организаторы концерта – а это были ещё совсем не старые мужчины – встречали главных участников фестиваля, четырёх почтенных старцев. Помощники развернули перед ними растяжку на сцену с их фамилиями – Кросби, Стиллс, Нэш и Янг. Все четверо одобрительно кивнули, когда увидели растяжку. Но какой-то момент не давал им разойтись, и Дэвид

Кросби – совсем уже дряхлый от прожитого века – попросил оказать ему честь, так он выразился.

– Просите всего, чего пожелаете! – немедленно отозвался организатор фестиваля, главный, как понял Юлиан. Копна волос была заплетена у него в косу на спине на манер викингов, а из левого уха вместо кольца свисал серебряный скелет длиной в человеческую ладонь.

– Эндрю, – обратился он к организатору, – я прожил насыщенную и счастливую жизнь. Я играл с самыми лучшими музыкантами Америки. У меня прекрасная семья, дети и внуки. Я сделал в этой жизни всё, что хотел, и даже больше. Мне кажется, я лет на пятнадцать превысил свой лимит. И вот я чувствую, что моё время пришло.

Остальные трое музыкантов тепло обняли Кросби.

– Андрэй, я не хочу умирать на клеёнке, в памперсе, наполненном мочой и калом. Не хочу, чтобы мои правнуки обходили меня стороной, когда я буду выть от боли, как зверь в капкане. Я хочу умереть, как воин!

Андрей Клюкин – так было написано у него на бейджике – с опаской возрился на престарелого музыканта.

– Мы в группе посоветовались, и все согласились с моим выбором. Мы знаем, что путь из Эдинбурга в Дублин лежит через болота, рядом с которыми обитают медведи. Именно поэтому вся охрана здесь с ружьями. Так вот, я хочу выйти на битву с медведем, чтобы отправиться в свой последний путь. Разрешите ли вы мне это?

Организатор, казалось, на время потерял самообладание. Он взял паузу, чтобы обдумать, что сказать. В конце концов, он, видимо, решил, что не будет ошибкой ответить следующее:

– Дэвид, вы знаете, как сильно я вас люблю и ценю. Ваше решение, конечно, прозвучало для меня, как гром среди ясного неба. Я уважаю ваше решение, каким бы прискорбным оно ни было для меня лично и, уверен, для всех окружающих. У нас за историю фестиваля не было такого прецедента,

поэтому я должен посоветоваться со всеми, кто отвечает за безопасность музыкантов и гостей. Позвольте дать вам официальный ответ через... два часа?

– Конечно! – улыбнулся Кросби. На его лице и так, казалось, впечатались морщины от постоянной улыбки. А теперь мимика превратила его в старичка-миловичка, насколько такое можно было сказать про человека с небольшой холм. Зато внутри он весь был наполнен добротой и сверкал радостью для каждого, кто на него смотрел. – Спасибо тебе, дорогой! Встретимся после концерта.

Они дружески обнялись, и музыканты заковыляли к сцене. На удивление Юлиана, никто не помогал им нести футляры с инструментами. Почтенные блюзмены сами несли свои вещи. И если бы не тяжесть движений и скованность суставов, можно было предположить, что это просто четырёх беззаботных юнцов за миг опалил восьмидесятилетний ожог.

Настраивались CSNY недолго, и вскоре уже были готовы к концерту. За минуту до выступления они обнялись друг с другом и бросили какой-то клич. Затем заняли свои места – и начали зажигать всё вокруг!

– Gotta make a love work out

Before you get you got to give!

Gotta make a love work out

Before you die you got to live!

Права была кормилица с пловом – такого блюза Юлиан в жизни не слышал! И дело даже не в филигранной сыгранности музыкантов. За столько лет совместной игры, казалось, кончики их пальцев синхронизировались так, что они могли выступать вместе, даже находясь в разных частях света. Дело было в неповторимой ауре, магии, которая возникала на сцене и распространялась вокруг, подобно морским волнам.

Добрых полтора часа Кросби, Стилс, Нэш и Янг играли в полный рост, наглядно показывая, как благообразные старики дают фору самым мощным молодёжным командам. Причём в их поведении на сцене не было ничего резкого, вызывающего, животного, как это бывает с юными музыкантами,

любящими позёрство, кич и скандал. Патриархи блюза играли будто бы недвижно, плавно, почти незаметно. Но от них исходила такая бурная, почти осязаемая энергетика, что по нервам слушателей будто шёл ток.

В конце выступления старцы вышли поклониться на край сцены. Вернее, сцена не слишком-то отделялась от первых рядов слушателей. Возможно, поэтому возбуждённая и экзальтированная толпа в буквальном смысле подняла музыкантов на лес рук и понесла их куда глаза глядят. Какова была цель этого руконошества, не мог, наверно, сказать никто из участников этого религиозного действия. Просто любимых героев носили вокруг, иногда вперёд, иногда назад, а когда устали – поставили на землю и обняли. Пожалуй, если бы степень любви во время объятий можно было каким-то образом оцифровать, эта массовая агапа вошла бы в книгу рекордов Гиннеса как самая интенсивная вечеря любви.

По мере того, как магия – а что же поделаться всем живущим на земле? – начала испаряться, объятия ослабли, и сотни людей отправились подкрепиться ужином. Пока счастливые и улыбающиеся участники действия насыщались, к Кросби подошёл организатор фестиваля. Юлиан был далеко и не мог слышать, о чём они говорили. Но только старец засиял и с благодарностью пожал Клюкину руку. Они обнялись и, как показалось Поснову, попрощались друг с другом.

Через полчаса войско странников, собравшихся в архангельской глуши со всех концов земли, двинулось из Эдинбурга в Дублин. Во время похода Юлиана посвятили в смысл, как её назвал низкорослый китаец с редкой бородой, идеографической топографии. Так как в реальности Шотландию от Ирландии разделяет море, то и участники действия должны преодолеть водное препятствие. В данном случае это будет река. Неглубокая, по пояс, максимум – по грудь. Китаец приставил ребро ладони к своей груди, и Юлиан понял: по пояс.

Топографический мистагог продолжал развивать свою мысль. Жестами он попытался изобразить взаимное расположение частей Великобритании. А на

словах пояснил, что из Шотландии через море ближе всего попасть в Белфаст. Но проблемы разделённой Ирландии и её взаимоотношений с Соединённым Королевством таковы, что путь лежит южнее, в Дублин, и проходит через остров Мэн. Специфика острова такова, что, как таковой, он принадлежит британской короне, но является «коронным владением», то есть не входит в состав Юнайтед Кингдом. Поэтому на острове Мэн разрешено многое, чего нельзя в остальной части империи.

В символическом плане ему соответствует небольшой островок в середине реки, которую им предстоит преодолеть, формально забравшись на него и последовав дальше. Но на этом небольшом куске тверди каждый год происходит нечто особенное. В древние времена это были бы жертвоприношения, мечтательно заметил китаец, но сейчас это некий символический акт. Который, тем не менее, не уступает по силе ментального воздействия. Тайноведец достал из тканого мешочка с завязкой сушёный гриб и положил себе в рот. Достал ещё грибочек и предложил Юлиану, но тот отказался.

Вскоре, действительно, показалась небольшая река. Она была совсем мелководной, по крайней мере, на расстоянии двухсот шагов от ближнего берега. Вдруг один из шедших впереди остановился и поднял вверх руку. Он попросил тишины. К нему, стараясь не шуметь, выдвинулось несколько человек с ружьями. Мужчина достал тепловизор и, устремив его куда-то вдаль, посмотрел в прибор. Затем сделал пригласительный жест Клюкину, который повёл через толпу Дэвида Кросби, того самого музыканта, который хотел проститься с жизнью, как воин.

Подойдя к человеку с тепловизором, Кросби обернулся к остальным и негромко произнёс:

– Родные мои! Будьте счастливы и радуйтесь каждому дню жизни! По тому узнают, что вы братья и сёстры, если любовь будет между вами! А я... Я один родился и один я умру! Прощайте!

С этими словами он поклонился и повернулся к реке. Один из ружейников, со словами, что у медведей отличный нюх, протянул ему увесистый кусок свинины. Кросби уверенным, хоть и не таким быстрым, как в молодости, шагом пошёл к берегу. Зайдя в воду, он остановился, чтобы привыкнуть к ледяному потоку. Несмотря на весну, поток был очень холодным, да ещё выше по течению били ключи.

4

Остров Мэн

Преодолевая холод, Кросби добрёл до маленького островка метрах в десяти от берега. Сперва он положил на землю кусок мяса, а затем приподнялся на руках и залез наверх. Встал в полный рост и вновь поклонился – на этот раз заходящему солнцу. Поднял и прижал к груди свиную вырезку.

Вскоре в дальнем пролеске послышался хруст веток. А через минуту на противоположном берегу появился огромный медведь-шатун. Завидев жертву на речном острове, он сначала тихонько сделал несколько шагов в сторону Кросби, а затем встал на задние лапы и чудовищно заревел.

Дальше всё развивалось, как в ускоренной перемотке. Зверь с небывалой резвостью бросился к реке. В считанные рывки достиг острова и вновь встал в полный рост перед побелевшим Кросби, который едва не оступился, невольно попятившись назад.

– Нюксеница! – прокричал музыкант, глядя в глаза трёхметровому животному.

Медведь с удивлением поглядел на человека, который не собирался от него бежать. И огромной правой лапой, как кувалдой, ударил Кросби по голове. Тот рухнул в реку, и круги побежали по воде. А медведь, словно чувствуя, что он на самом деле совершил, издал оглушительный рёв, напоминавший животный плач по покойному.

Вдруг зверь натурально встал на крошечном острове на колени и прикрыл глаза лапами, как будто оплакивал убитого. Приготовленный кусок свинины

медведь смахнул в реку, по другую сторону от всплывшего Кросби. И в очередной раз встал в полный рост, устремив жадный до правосудия взгляд в сторону людей.

Главный оружейник сказал остальным:

– Мужики, это медведь, а не медведица. Давайте отдадим ему причитающиеся почести!

Юлиан понял, что у медведицы могли остаться медвежата, которых она должна была кормить. А медведя можно было убить, не совершив греха против природы. Тем более что зверь, казалось, сам просил отплатить ему той же монетой, которую он вложил лодочнику за провоз Кросби по архангельской лете.

Пятеро или шестеро мужчин вскинули ружья. Раздалась канонада выстрелов. Затем – ещё одна. Медведь зашатался, но не упал. Он спустился в реку и резво, для своих многочисленных ранений, побрёл в сторону людей.

Стрелявшие перезарядили ружья, и выстрелы раздались снова, на этот раз – разрозненно, по мере того, кто когда успел вставить новые патроны.

Медведь опустил лапы в воду, поклонился стрелявшим (стоявшие за ними наблюдатели ринулись прочь) и рухнул в реку. Течение реки у берега было не очень сильным, и павший зверь, казалось, просто оставался на месте. Вскоре его прибило к камышам, и один из стрелявших даже осмелился подойти к медведю, чтобы удостовериться, что он действительно мёртв.

Другие бросились к Кросби, которого успело унести метров за двадцать от острова. Несколько мужчин подтащили его к берегу и вытащили бездыханное тело на землю. Проверили пульс, чтобы удостовериться, что земной путь великого музыканта завершён.

Тело Дэвида Кросби переложили на носилки, какие Юлиан видел в каретах скорой помощи. Шестеро мужчин приподняли музыканта и довольно скоро перенесли его на противоположный берег реки. Туда же принесли три деревянных табуретки, на которые водрузили почившего.

У всех, кто перебирался мимо злополучного острова через речку, были очень странные чувства. Одни не могли поверить в случившееся. Другие просто пребывали в шоке и шли как будто, по приборам, со страхом взирая на мёртвого медведя и с ужасом – на музыканта. Третьи шли вброд, словно именно так всё и должно было произойти, и сложилось всё наилучшим возможным образом.

На другом берегу незнакомый Юлиану мужчина объявил, что, согласно последней воле Дэвида Кросби, захоронить его нужно в тот же день. Все желающие могут подойти к музыканту, чтобы попрощаться. После этого объявления молчаливая толпа растянулась в очередь, чтобы проститься со своим кумиром. Церемония заняла четверть часа.

В конце рядом с Кросби остались только самые близкие – так тоже завещал музыкант. Остальных знающие маршрут повели дальше, прочь от острова Мэн – к Дублину.

Поначалу все шли молча, каждый думал о чём-то своём. Вдруг кто-то довольно громко начал напевать:

– Mama lion, mama lion, I'm starting to sink.

Юлиан не знал, что это за песня, поэтому тем более удивился тому, что шедшие рядом начали подпевать:

– Beneath the sunshine and the icicles

In the things that you think.

Наконец, почти все запели хором и весьма торжественно, с чувством:

– There is a hole in my destiny

And I'm out on the brink.

Все самозабвенно пели хит Кросби, а Юлиана вдруг пробрало от подлой русской мысли в духе либерализма, коего он, говоря в целом, был напрочь лишён как сын дипломата. Мысль была такой: в какой же жопе я родился, что весь цивилизованный мир знает песни Кросби, а я нет? Юлиан думал не про место: жопа носила не географический, а цивилизационный характер. Впрочем,

вскоре он поймал себя на мысли, что это опять какая-то пелевинщина и что не может человек быть плохим только по той причине, что не знает песен Кросби.

Песню ещё не допели до конца, а архангельскую процессию встретили люди со странными, чёрными флейтами. Заслышав мотив, они начали подыгрывать, да так задорно, что ноги чуть сами не пускались в пляс у всех шедших. Это уже совсем не вязалось с трагической кончиной их соратника, музыканта, но Юлиан и здесь уловил прогрессивный ветер западного свободомыслия. Раз дух освобождён, так надо радоваться. А тело всё равно истлеет, так – прах к праху.

Но до конца вечера Поснов не мог освободиться от ощущения двойственности происходящего. Как будто на одном конце похороны и горе, на другом – роды и радость, а посередине – жизнь течёт своим чередом, бьёт ключом, саморазворачивается. Вот только грустно оттого, что восторг этого осознания пройдёт, как день прошедший, и никогда во вселенной не вспомнится так точно и не подумается так же ярко, как сейчас Юлиану.

Под звуки флейты шествие достигло Дублина. Им оказался переоборудованный из советского коровника длинный-предлинный клуб. На входе, над дубовыми воротами, переливался в лучах заходящего солнца огромный зелёный трилистник. По бокам от входа, на выкрашенных чёрным стенах, были нарисованы золотые арфы. Под левой была выведена одна надпись: “Erin Go Bragh, Erin go Braugh”, под правой – другая: “Obedientia Civitum Urbis Falicitas”.

5

Дублин

Внутри были расставлены и накрыты десятки столов. Стояли горячие блюда, закуски, ягоды и десерты. В центре импровизированной залы возвышался бар, в котором четверо парней разливали всем желающим «Гиннесс». Такой размах Юлиан видел разве что на Октоберфесте в Баварии.

Ирландский мегапаб даже напомнил ему «Хофбройхаус» в Мюнхене, где Поснов побывал ещё в школьные годы и с тех пор любил туда наведываться.

Но здешний клуб, несмотря на сельскую глушь, в которой он нашёл временное пристанище как консульство Ирландии в России, отличался не только убранством и цветовыми решениями. Главное, что пленяло гостя архангельского Дублина, была совершенно нездешняя музыка. Если в Мюнхене на тромбонах и аккордеонах играли толстые немцы в смешных шортах, то здесь светловолосые красавицы в чёрных шёлковых платьях до пола словно бы вырезали музыкальные узоры на арфах. Периодически девушки глядели на посетителей изумрудными глазами, и эти драгоценные вспышки озаряли всё вокруг ярче небесных светил.

Поснов даже поймал себя на мысли, что если бы он, как князь Владимир в своё время, делал выбор веры, то принял бы не православие, а Ирландию – как ключ, открывающий гораздо больше дверей к тайнам мироздания, чем любая доктрина, передаваемая при помощи слов.

После ужина под аккомпанемент флейт и арф начался концерт. В дальнем конце зала поднялся занавес, и со сцены всех собравшихся поприветствовали импозантный мужчина с бритым черепом и бородой-эспаньолкой и высокая стройная женщина в тёмно-синем платье и с золотисто-русыми волосами, собранными в причёску на манер сдобной ватрушки, которыми торговали во времена Юлианова детства.

Публика восторженно зааплодировала, а Поснов поинтересовался у соседа, кто это. «Декаданс?» – переспросил он, и тогда ему продиктовали название по слогам: “Dead Can Dance”. Случившееся далее было сродни шаманскому ритуалу, который Юлиан пережил с утра. По лицам других слушателей можно было догадаться, что они тоже переживают нечто подобное.

Мистериальное состояние, в которое погрузился Юлиан, вряд ли можно передать словами. Если бы австралийские аборигены могли бы создать литургию, как это сделали греки в Византии, только на свой лад – то

сыгранный концерт лучше всего подошёл бы под описание анимистического богослужения.

Столь же мощного по воздействию, как христианское богослужение, но совсем иного по сути и наполнению. В исполнявшейся музыке не было ни намёка на вину и искупление. Это была райская музыка безо всякого изгнания оттуда. Вместо возгласов священников – пение птиц и цикад, вместо фимиама из кадила – дым живого костра, вместо причастия – причастность к всеединой красоте бытия.

Что-то подобное было в фильме «Аватар», вспомнил Юлиан, когда героиню подключили к мировому дереву, дававшему связь со всем живым вокруг. А тут ещё и музыканты постоянно вводили всё новые и новые, диковинные инструменты. В каменном веке, должно быть, в такую трубу дул житель Новой Зеландии. А в этот кимвал бил африканец, наблюдавший ледниковый период.

Есть такие детские игрушки вроде паззлов, только без картинок. Их можно собрать совершенно разными способами: можно так, а можно – по-другому, по-третьему. У Юлиана было ощущение, что его мозг – точнее, его сознание, представление о жизни, картину мира – разложили, как тот паззл, на множество составных частей, а потом их собрали совсем в другом порядке. Мозг вроде остался таким же, но мыслил и ощущал теперь всё по-другому.

И наконец-то, впервые за долгое время, Юлиан обнаружил, что у его жизни есть цель. Точнее, даже не цель, потому что стремиться туда – значит, обречь себя на провал, а некое ценностное измерение.

Шутовское подметание улицы Клэптоном молниеносно превратилось в голове Юлиана в устойчивое понимание того, что любой дворник может оказаться истинным творцом. Творцом, создающим гармонию на улице – в городе – и в конечном счёте во всём мире. Радость парения в новой музыке и создаваемой ею новой реальности была на секунду омрачена осознанием того, что он не хочет возвращаться в прежнюю жизнь. Но уже в следующее мгновение Юлиан вновь обрадовался, потому что понял: он вернётся в

прежнюю реальность, только вместо вечеринок будет дворником подметать улицы. Более того – откроет компанию, которая будет чистить город по высшим стандартам. Сам будет водить мусоровоз, и...

Его мысли перебил подошедший официант, который странно улыбнулся и спросил:

– Как вам наши кексики?

Юлиан поднял глаза и узрел странное оптическое явление. Однотонная рубашка официанта вдруг стала полосатой, и десятки тоненьких полосок раскрасились во все цвета радуги. И не просто раскрасились – они перебирались с «этажа на этаж» по мере того, как Юлиан поднимал глаза, а потом ярко вспыхнули, погасли, и атлас ткани вновь стал однотонным.

«Неужели, в этих кексах наркотики?» – удивился, поражённый, Юлиан, а вслух ответил:

– Очень вкусные!

С ещё большим удивлением вместо собственного голоса и внятных, осмысленных слов Юлиан слышал переливы птичьего пения, записанные и проигранные в обратную сторону. Официант, однако, «проиграл плёнку» в реверс и декодировал исходное птичье послание обратно в человеческий язык. После чего улыбнулся ещё шире и пропел:

– Отлично!

Хотя концерт продолжался часа полтора, в сознании Юлиана протекла целая ночь. В конце ошеломившего его представления он ожидал встретить за окнами рассвет. Тем удивительней стали для него первые звёзды, появившиеся в вечернем небе. Он был готов отдать голову на отсечение, что по всем законам сейчас должно быть утро. Но, видимо, всеми законами не исчерпывается феноменальное многообразие невероятного во вселенной.

Когда музыканты сошли со сцены, Юлиан по-прежнему не мог смириться с мыслью о разном течении времени в музыке или «на суше». Он бы скорее поверил, что после тибетского обряда ему бы стукнуло пятьдесят лет. Пока же Поснов приходил в себя, все присутствовавшие как-то поделились по группам,

расселись по кружкам и начали болтать за чаем с мёдом и имбирём. Вечер второго дня разительно отличался от вечера первого.

О чём бы ни говорили собравшиеся – будь они заслуженные музыканты или их юные слушатели – во всех рассказах Юлиан улавливал одну главную мысль. Главное в жизни – это счастье от текущего момента. Можно жить прошлым, можно будущим, но только в настоящем ты совершаешь истинное приобщение к чуду жизни.

Одна из незнакомых Поснову девушек горячо доказывала, как это здорово – звонить родителям, чтобы узнать, как у них на огороде растут овощи. Ведь счастье в том, что родители – ещё с нами, живы, и с ними можно встретиться в любой момент. Или просто – позвонить вечером.

Сидевший тут же Клэптон – в старых затёртых джинсах, без намёка на пафос или фальшь – добавил, что счастье ещё и в переживании момента радости твоего ребёнка. Все разом смолкли, и даже Юлиан припомнил, что маленький сын музыканта много лет назад трагически погиб, выпав из окна небоскрёба в Нью-Йорке.

– Я помню, – начал Клэптон, но никто не осмелился поднять на него глаза, – как учил Конора, моего сына, ездить на велосипеде. Ему было четыре года, и он начинал с такого детского велосипеда, у которого сзади по бокам два дополнительных колеса, для устойчивости. Но пришло время учиться ездить по-настоящему, и я их снял.

Эрик приложил палец к глазу, чтобы смахнуть предательскую слезинку.

– Он очень боялся упасть и постоянно следил, чтобы я был рядом, и не отпускал меня ни на секунду. И я не отпускал его, поддерживая за сиденье и руль. Я объяснял и показывал, как нужно ехать, чтобы не падать. И много раз повторял, что обязательно нужно учиться самому, что это главное. Но мы выходили в парк в очередной раз, и он по-прежнему сваливался набок.

Однако настал день, когда у него начало получаться. Сперва он проезжал один пару метров и останавливался, боясь упасть. Но после нескольких тренировок я сказал ему: «Конор, езжай вперёд так долго, как только сможешь!»

Я буду рядом и в любой момент смогу тебя подхватить!»». Он доверился мне и начал отважно крутить педали. Он проехал два метра, пять, десять – и поехал дальше по прямой. Я даже немного отстал от него. Я шёл вприпрыжку сзади и не мог поверить своему счастью: неужели мой сын смог? неужели у него получилось?

Это чувство было сродни тому, когда в юности ты пытаешься поцеловать девушку и боишься: ответит она тебе взаимностью или нет? И когда она принимает твой поцелуй и обнимает тебя – всё счастье мира обвивается вокруг тебя! Так и тогда. Я чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. И знал, что он так же чувствует себя. И это было подлинное счастье, ради которого стоит жить.

Повисла невольная пауза. Но никто не грустил. Даже наоборот – все как будто и собрались здесь, чтобы с помощью музыки обрести те точки соприкосновения с чудом, которые только и позволяют ощутить себя по-настоящему живым. И как следствие – счастливым и влюблённым в жизнь во всех её истинных проявлениях – от ростков подсолнуха на подоконнике у бабушки до заливистого детского смеха в доме.

В отличие от предыдущей, бурной и даже буйной ночи, теперь все распрощались тихо и мирно. Многие, расходясь по палаткам спать, целовались в щёки. Другие обнимались или просто улыбались друг другу. Второй день удивительного тура в Ньюсеницу подошёл к концу. Тем ужаснее оказался контраст на следующее утро.

Юлиан проснулся от взрывов петард. Там ему показалось в самом начале, когда его разбудили резкие хлопки где-то на улице. Но высунувшись осторожно из палатки, он узрел чудовищную картину. Нескольким людям, с которыми он вчера вечером мирно вёл беседы за жизнь, верёвками связали руки за спиной и собрали в кучу возле входа в клуб. Арестами занимались крепкие ребята в камуфляже с чёрными масками на лицах. У некоторых в руках были автоматы, из которых они пока стреляли в воздух, другие орудовали чёрными дубинками.

Быстро смекнув, что к чему, Юлиан выбрался из палатки, которая находилась на небольшом отдалении, и пригнувшись побежал прочь, к пролеску. Здесь уже собралось полтора десятка человек. Все они были напуганы, никто не понимал, что происходит. Кто-то предлагал бежать дальше, к большому еловому лесу, но путь туда лежал по открытой местности и беглецов легко могли засечь отряды напавших.

– Кто это? – громким шёпотом спрашивал Юлиан, то и дело пригибаясь к земле от выстрелов. Вместо ответа на него шипели, требуя быть потише, и отвечали: не знаем, не знаем. И снова приказали замолчать, поскольку со стороны палаточного лагеря к ним бежала девушка.

Юлиан бросил на неё взгляд – и обмер! Он узнал в ней ту самую крестьянку, которая убегала от Гребенщикова во время шаманского обряда. Как такое может быть? Что это – ночной кошмар? Времени найти ответ не осталось, потому что сзади девушку нагнал высоченный парень в военной форме, который схватил её за талию одной рукой, а другой – зажал рот, чтобы та не кричала. И потащил бедняжку к клубу с трилистником над входом и двумя арфами по бокам.

– Так, – быстро принял решение Поснов, – нас рано или поздно найдут. Поэтому нужно действовать решительно. Слушайте меня внимательно. Я побегу вон в ту сторону, чтобы отвлечь их. А вы немедленно бегите к ёлочкам! Они сосредоточатся на мне и не обратят внимание на вашу сторону. Всё поняли? Давайте, выполнять!

Юлиан и сам не понял, откуда в нём появился командный голос. Но уже в следующий момент он вышел из просеки и помчался вдоль неё прочь, ломая на своём пути ветки и громко перепрыгивая ямы.

– Эй, смотри туда! – хватчики сразу обратили на него внимание. Двое из них бросились Юлиану наперерез, и в этот момент, действительно, никто не посмотрел в сторону группы убегающих к еловому лесу.

Вооружённые люди быстро нагнали Юлиана и приказали ему остановиться. Так же, как и остальным, они перевязали ему руки за спиной и

тычками заставили двигаться в сторону клуба. Пока его вели, он всё пытался глазами найти ту самую девушку, которую впервые увидел во время камлания тибетского ламы, а сегодня узрел второй раз. Но её нигде не было.

Зато полным-полно было боли и страдания на лицах связанных людей, которых пачками бросали друг к другу то тут, то там. «Что же здесь происходит? – сквозь бешеные биения сердца пытался понять Юлиан. – Кто эти люди? Террористы или военные?». Он всё время слышал, как пленников спрашивали, какой они раз на фестивале. Наконец, наступила его очередь пройти это испытание.

Юлиана подвели к невысокому мужчине с невероятно перекаченными мышцами, из-за чего его фигура напоминала натуральный шкаф с глобусом головы наверху. На лице у военного была маска, и пухлые губы в разрезе спросили по-английски:

– Какой раз на фестивале?

– Первый, – ответил Юлиан.

Шкаф остановил конвой жестом и указал им отвести Юлиана в сторону. Отдал распоряжение помощнику на странном наречии, которого Поснов не знал, и сам подошёл к задержанному.

– Как тебя зовут? – спросил полковник. Почему именно полковник Юлиан не знал, но решил его так обозначить, исходя из выдающей мышечной архитектуры.

– Юлиан Поснов.

– Гражданин России? – удивился полковник.

– Да. В чём-то проблемы?

– Нет, – замялся военный, но тут же принял прежний суровый вид. – Вы принимали что-либо запрещённое?

«Фуф, наркоконтроль! – успокоился Юлиан. – Но почему тогда по-английски?». И снова напрягся.

– Нет, – вслух ответил он.

– Нет? А вот это что такое? – и он жестом пригласил помощника принести блюдо с запечённой рыбой.

Юлиан посмотрел на допрашивающего с некоторым недоумением.

– Вы в курсе, что это белуга? Редкая рыба, внесённая в красную книгу как исчезающая? На нерест она плывёт против течения в Северную Двину, чтобы оттуда икринки вынесло в Белое море. А у вас мы зафиксировали больше пятидесяти запечённых белуг.

– Что? – растерялся Юлиан. – Белуга? Постойте, подождите, я не понимаю! Весь этот рейд – из-за редких промысловых рыб? Да я даже не ел их вчера!

– Юлиан, вы оплачивали вчерашний ужин?

– Что? погодите! Это какое-то недоразумение! Извините, а можно поинтересоваться: а вы кто?

Военный повторил свой вопрос:

– Юлиан, вы оплачивали вчерашний ужин?

Двое молодчиков зачем-то взяли Поснова за руки. Видимо, чтобы он не выкинул чего-нибудь лишнего.

– Нет, не оплачивал.

– А разве в счёт вашего тура не входит питание? – полковник снова подозвал к себе помощника, и тот передал ему бумаги – те самые, которые Юлиан подписывал в турагентстве «Алдеан».

– Подождите, а как вы?..

– Увести! – громко скомандовал офицер.

– Подождите! Стойте!! Да постойте вы!!!

Юлиана уже никто не слушал. Его заломали и повели в комнату, которая использовалась под склад питьевой воды, бумажных полотенец и тому подобного. Всё было, как в фильмах про пойманных разведчиков. Поснова посадили на стул, вlepили ему в лицо настольную лампу и начали допрашивать.

Сперва это были стандартные вопросы, только очень подробные. Не просто адрес жительства, но и индекс, ближайшее почтовое отделение и всё такое. Когда Юлиан отвечал «да откуда я могу это знать!», военный, который проводил допрос, заметно хмурился и что-то помечал у себя на листке. Но затем начались совсем каверзные вопросы, вроде того, была ли запечённая рыба приготовлена с лимоном или без. Наконец, вояка приблизился вплотную к Поснову и спросил:

– Ты будешь говорить правду?

– Да я говорю правду! – повысил голос Юлиан, но его ответ не устроил следователя. Тот тяжело вздохнул, развернулся и ушёл. Через минуту в комнату вошёл новый военный, с собственным планшетом и ручкой для записи показаний.

– Фамилия и имя? – строго спросил он.

– Да я же отвечал предыдущему! – пытался возражать Юлиан, но впустую. Ему заново пришлось назвать индекс, ближайшее отделение почты, филиал «Сбербанка» и множество прочих странных вещей. Наконец, и этот допрашивающий спросил:

– Ты будешь говорить правду?

– Да я правду говорю! – вновь ответил Юлиан и вновь не угадал, потому что этот военный, как и предыдущий, тяжело вздохнул и вышел вон. На смену ему пришёл третий.

– Фамилия и имя?

Так повторилось ещё несколько раз, прежде чем Юлиан «пошёл на сделку со следствием». В комнате было душно, а ему не давали пить, хотя он очень просил. Наконец, ответил вопросом на вопрос, будет ли он говорить правду:

– Да я и рад говорить правду! Но только что это такое – правда?

– Вот! – неожиданно ответил военный, который его в тот момент допрашивал, и даже поднял палец в небо в знак истинности юлианова вопрошания. – Подумай хорошенько и начинай говорить. Правду. Ничего, кроме правды.

Офицер встал и лично открыл бутылку воды, чтобы напоить интервьюируемого.

– Ну? Говори!

– Так, – начал вслух рассуждать Поснов. – Правда в том, что я не знаю, за что меня задержали...

Военный не стал слушать эти бредни, молча развернулся и ушёл, несмотря на все просьбы и мольбы Юлиана. На смену прежнему пришёл новый следователь. Он вежливо и уважительно спросил:

– Фамилия и имя?

Юлиан вновь прошёл по всем кафкианским кругам ада бессмысленной бюрократии, пока не услышал вопрос, над которым размышлял всё время нового допроса: «Ты будешь говорить правду?».

– Да, я буду говорить правду! Только не уходите!

И он начал говорить одну только правду, пытаясь не думать ни о чём постороннем. Впрочем, правдой речи Юлиана казались только ему самому – следователь постоянно с ним не соглашался. Он критиковал и направлял мысль допрашиваемого. Например, Поснов говорил:

– Правда в том, что я испытываю отвращение к военным, которые притесняют ни в чём не повинных людей!

А человек в камуфляже отвечал:

– Уже кое-что! Но это не правда! Давай, думай дальше!

Юлиан сглатывал слюну и, как школьник на экзамене, пытался рассуждениями добраться до правильного ответа.

– По здравом рассуждении я вообще не должен говорить тебе не только правду, но и что бы то ни было!

– Верно подмечено! Но с таким же успехом ты мог бы внушать это хулигану с бейсбольной битой.

Юлиан тщетно пытался понять, что для него эта правда, которую из него такими усилиями пытаются выбить.

– Плевать я хотел на ваших белуг из красной книги!

– Отлично! Молодец, в правильном направлении думаешь! Но это не правда. Будешь её говорить?

И для стимуляции мыслительного процесса ударил Юлиана резиновой дубинкой по колену.

– Да мне больно вообще-то! – вскричал Поснов. – Вот это и есть та правда, которую я сейчас разделяю всем телом и душой!

Военный вздохнул.

– Жаль, что некоторые так и не просыпаются в течение всей своей жизни. Потому что бывает правда, что дважды два четыре. А бывает правда, что они положили сырой порох, Карл!

Юлиан вспомнил, что эту фразу барону Мюнхгаузену прокричала его возлюбленная в конце советского фильма. И очень удивился тому, что следователь – а он был, как предположил Поснов, ирландцем – процитировал данный отрывок. Военный развернулся и ушёл, как и все предыдущие, кто допрашивал Юлиана. На этот раз пауза между сменой следователей затянулась.

За дверью раздался непонятный шум. Спорило несколько голосов. Один пытался в чём-то убедить остальных, остальные всячески препятствовали. В конце концов они, кажется, договорились, и в комнату прошмыгнул Гребенщиков.

– Юлиан, – обратился к нему музыкант. – Прошу тебя, подумай хорошенько и ответь им правду!

– Да не знаю я правды! – пытался защищаться Поснов.

– Вот в этом и беда, что не знаешь и знать не хочешь! – вздохнул Гребенщиков. – А кабы знал – давно бы обрёл и личное счастье, и смысл жизни, и окружающим помог в том же... Всё-таки люди странные существа. Другой бы на нашем месте – какой-нибудь дальневосточный краб – панцирь о стену расшиб, лишь бы достичь того, что у нас в руках находится! А у нас вместо пальцев – сито...

Юлиан посмотрел на руки Гребенщикова – пальцы как пальцы. Затем перевёл взгляд на руки двух охранников, которые сами воззрились на свои

ладони и с ужасом вертели их туда и сюда: у них вместо пальцев действительно было сито. На свои руки, связанные за спиной, Поснов, естественно, посмотреть не мог.

– Так что же это такое – правда жизни? Подскажите мне, если знаете!

– Да как же я подсказу, если это твоя жизнь? – взвёл руки горé БГ. – Как же я могу знать, кого ты любишь и о чём мечтаешь? Я тебе могу сказать только одно: сокровище жизни, главная её жемчужина, осознаётся отнюдь не умом. Это как зарница весной: идёшь себе по тропинке, а она – бах, в глаза тебе, и в сердце. Или когда ты ночью в темноте ищешь что-то, а тут вдруг включают свет, и ты видишь эту самую жемчужину! О которой до этого даже и не подозревал, что ты только по ней одной и томился всю жизнь! Ну и как мне подсказать тебе, в чём правда? Подумай сердцем! О чём оно у тебя вожделеет?

Он приложил горячую, как чайник, ладонь к груди Юлиана и вышел за дверь.

«Вожделеет сердце? – повторил про себя Поснов. – Как странно сказано... Сердце может любить – разве может оно вожделеть?».

В этот момент в комнату вошёл тот самый «полковник», который допрашивал Юлиана первым.

– Вот так всегда – счастье для человека приходится выбивать против его воли! На моём месте ты должен быть сам! И должен бить себя до бесчувствия в поисках правды. Ну что, будешь её говорить?

Не дождавшись ответа, военный резко ударил кулаком в живот, и Юлиан вместе со стулом свалился на пол. Дыхание остановилось, а в глазах поплыли чёрные круги.

– Поднимите его! – приказал полковник двум солдатам, которые всё это время беззвучно стояли по бокам от Юлиана. – Отведите его к реке и расстреляйте, потому что ничего дельного от него не дождёшься.

Поснова, скрючившегося от боли и невозможности дышать, не подняли, а приподняли над землёй и волоком потащили на улицу. Здесь Юлиан понемногу пришёл в себя. Конечно, если можно так говорить о человеке, которого без суда

и следствия приговорили к расстрелу. Проволокли его недолго, к ближайшему ручью, который протекал сзади клуба «Дублин».

Когда без вины обвинённый поднял глаза, то увидел приближающегося к нему полковника с охотничьим ружьём в руках. «Странно, – успел подумать Юлиан, – вроде военные, а тут – простая двустволка». Полковник вставил в ложе один патрон и с гусарским щелчком соединил дуло с прикладом.

– Именем ирландской республиканской армии, за попытку незаконного проникновения в Белфаст, Юлиан Поснов приговаривается к высшей мере наказания в виде расстрела. Приговор привести в исполнение незамедлительно.

Он взвёл курок и направил ружьё на Юлиана.

– Стойте! – выкрикнул тот.

Полковник помедлил, но всё-таки опустил оружие.

– Что такое?

– Последнее желание! Я имею право на последнее желание!

Военный отмахнулся рукой:

– Да ты что, фильмов про рыцарей посмотрелся?

И он снова поднял ружьё и поднёс мушку прицела к правому глазу.

– Да подожди! – сказал стоявший рядом со стрелком пожилой мужчина, который вышел вперёд и рукой опустил его ружьё. – Это не по-христиански, в конце концов. Чего ты хочешь?

Юлиан крепко задумался. На самом деле у него не было никакого желания, он просто хотел потянуть время. Теперь же, когда его согласились выслушать, нужно было придумать что-то такое, что даст ему максимально долгую фору.

– Я хочу, – заговорил Юлиан, твёрдо чеканя каждое слово, – запечённую белугу из красной книги в заливке из лимона и чёрного перца!

Наступила неловкая пауза. Первым её нарушил полковник, которому не терпелось отправить Юлиана на тот свет:

– Ну вот, мы теперь хрен дождёмся, когда ему приготовят его последнее желание! Вот надо было вам вмешаться!

Пожилой мужчина, которому военный предъявил претензию, ответил более конструктивно. Он приказал подчинённому найти повара и узнать, сколько времени уйдёт на приготовление блюда. Прошло несколько минут, прежде чем молодой солдат вернулся к командиру и отрапортовал: белуга с лимоном и чёрным перцем будет готова через полчаса. Тот кивнул и подошёл к приговорённому – вблизи он оказался совсем стариком, но удивительно сохранившим крепость тела и ясность ума – это было видно по мудрым глазам.

– Слышал? Полчаса. Что будешь делать это время?

Юлиан задумался.

– А вы кто? – спросил он невпопад. И не дожидаясь ответа, перешёл в наступление: – Я так понимаю, что вы имеете власть над этими цивилизованными головорезами. Тогда ответьте мне: по какому праву меня и десятки других людей связали и мучают, как преступников?

Старик помедлил. Он по-прежнему тепло и даже по-отечески нежно смотрел на Юлиана, а затем ответил:

– К сожалению, мы воспринимаем мир в рамках той «мозговой коробки», которая сформировалась у нас после детства. Если военные – то насилие, если автоматы – то убийства. Когда вы убиваете конём пешку в шахматах, вы же не представляете реального всадника и пехотинца, правда? Вы же не видите чудовищную картину, как наездник рубит шашкой солдата, пока тот пытается прицелиться в противника?

Он немного помолчал и продолжил:

– С точки зрения планеты, все эти дубинки, автоматы, белые, чёрные – все это не больше, чем шахматная партия длиной в век. Кончится это столетие – все фигуры ссыпят в одну коробку, – он проиллюстрировал это действие жестом, – чтобы тут же достать и начать новую игру. А там, в двадцать втором веке, на всех, кто не смог достичь главного в своей собственной жизни, будут смотреть как на историческую массу. Неужели ты не хочешь выделиться на этом фоне? Неужели не хочешь стать героем своей судьбы? Или тебе приятно плыть по течению – клубы, вечеринки, брак по расчёту, новая должность, место

в списке «Форбс», достойная старость, заслуженный отдых, роскошный памятник на могиле. Юлиан, проснись!!! – громко заключил он.

После этих слов – как будто это было магическим заклинанием – перед Юлианом стали выходить все бывшие в округе. Люди – и военные, и пленные, которые тут же освободились от своих оков, – начали стекаться со всех концов. Они образовали длинный ряд, который ещё больше увеличивался по мере того, как приходили новые. Как капли воды в начинающемся дождике, они говорили невпопад и уныло, как каторжники:

– Юлиан, проснись!

Англичане и все вообще немцы, кто не говорил по-русски, выучили, видимо, эту фразу и сливались в общий хор ломаной формулой, будто белорусской:

– Юлиан, прасныс!

Эту же фразу затараторили бывшие охранники Поснова, которые теперь развязали и отпустили его:

– Юлиан, прасныс!

Свободный, никем более не сдерживаемый, Юлиан и не думал никуда сбегать. Во-первых, сбегать было некуда: такое бывает, когда тебя никто не держит. Во-вторых, зловещая атмосфера какой-то дьявольской издёвки держала его на месте гораздо крепче наручников. Поснов всматривался в печальные лица людей, которые сотнями уставших глаз глядели на него с укором, и не мог понять: да что же здесь происходит!?

– Юлиан, проснись!

В череде лиц, в бормочущем хоре разрозненных языков и губ таилось нечто космически-ужасное, страшное в масштабах вселенной. Юлиан чувствовал это спиной: самое чудовищное крылось в том, что он не отгадает загадку, что он не проснётся, что он не скажет правду самому себе. Но что это за правда?

Только он подумал об этом, как сердце его оборвалось. Посреди тысячегубой толпы Юлиан вдруг наткнулся на единственного человека,

который... молчал. Причём это была та самая девушка, которую он сначала увидел во время камлания ламы, а затем – сегодня утром, в толпе заключённых, которых скопом куда-то вели. В натуральной панической атаке Поснов удивлялся: как он ещё не умер? Сердце его колотилось, должно быть, тысячу раз в минуту, так что даже в руках у Данко оно бы разорвалось на части. Юлиану показалось, что ему изнутри переломало все рёбра.

Наконец, он вспомнил, где её видел! Вспомнил, воскликнул «О!» и потерял сознание. Без чувств он упал спиной в ледяную воду ручья. Без чувств – но, как бы странно это ни было, с ясным умом и памятью, в которую только что подгрузили яркое детское воспоминание.

Когда Юлиану было двенадцать, и он ещё совсем не знал пошлости жизни и человеческого цинизма, он отдыхал летом в деревне. В тот год туда же отправили на отдых девочку, его ровесницу. Точнее, у неё что-то случилось в семье, и её на время привезли к одичалому старику деду, который жил на отшибе и заставлял её носить воду из колодца. На третий день сердце Юлиана не вытерпело, и он решился помочь ей донести тяжёлое ведро. Если бы ни этот повод – он никогда бы не осмелился подойти к ней.

Они подружились, но мальчик чувствовал нечто большее, чем дружбу. Он знал человеческое слово «любовь», но гамма мощных переживаний, которые разрывали его душу изнутри, носили без преувеличения космический характер. Юлиан буквально парил в небесах и по истечении недели их знакомства решился открыться девочке, но не застал её дома. Противный дед, злее, чем пёс у него на привязи, сказал, что её забрали. На сколько долго и вернётся ли она, старик не хотел отвечать, но Юлиан заставил его дать ему адрес, куда она уехала.

Юлиан написал пять писем. Каждый раз, не получая ответа, он надеялся, что от неё послание просто ещё не дошло, что почта работает медленно, и писал следующее. Когда прошло три месяца в абсолютной тишине, мальчик уверил себя, что она издевается над ним, изводит своим молчанием, и пообещал вытравить любое воспоминание о летней девочке. Звали её Василиса.

Именно она, единственная в многоликой толпе, молчала, пока остальные завывали «Юлиан, проснись!». Он и проснулся.

Юлиана вытащили из воды и привели в чувства. Мужчины раздели его донага и завернули в какую-то простыню или наволочку – что попало под руки. В таком виде Поснов был похож на только что окрещенного в христианство. Он молча дрожал, глядя, как Василиса приближается к нему под всеобщий грохот аплодисментов и выкрики «Молодец!». Наконец, она ему улыбнулась, он увидел это издали и сам зашагал, всё ещё дрожа от холода, к ней навстречу. Вскоре они встретились на равном удалении от остальных, словно в центре вселенной.

– Привет! – сказала ему Василиса.

– Привет! – ответил Юлиан.

Дальше они молча глядели друг другу в глаза, застенчиво и по-детски, совершенно не зная, что надо говорить в таких случаях. Впрочем, посреди всеобщего гула было не разобрать, с чего они начали всё-таки беседу после долгой разлуки и о чём продолжили. После продолжительных оваций – как будто на «Жди меня» – толпа успокоилась, а пару вновь нашедших друг друга провели в импровизированный шатёр. Здесь им приготовили сюрприз в виду романтического ужина с той самой запечённой белугой и бутылкой белого сухого вина.

Юлиана и Василису оставили одних, и часа полтора они вспоминали прошлые дни и смеялись, как дети. Девушка рассказала, что её вредный дед жив, теперь ещё более старый и нелюдимый. Он и тогда дал неправильный адрес, чтобы Юлиан не смог её найти. Тогда, в детстве, она и сама пыталась найти мальчика, который ей понравился и от которого её так внезапно и бесследно оторвали. Но что могла маленькая девочка в суровом взрослом мире?

Зато Василиса рассказала, что никто не забывала его. И верила, что рано или поздно судьба сведёт их вместе. Летом она живёт здесь, в Архангельской губернии, в доме своего отца. Даже не в доме, а в настоящем деревянном

тереме, который тот построил своими руками. Приведёт случай – Юлиан сам увидит, когда придёт в гости.

– Ты ведь придёшь? – осторожно полюбопытствовала девушка.

– Конечно! Конечно, приду, хоть сейчас! – горячо ответил Юлиан и почувствовал, как кровь прилила к его лицу.

Василиса задорно рассмеялась.

– А ты совсем не изменился. В главном, я имею в виду. Внешне, конечно, другой человек, возмужал.

– А ты расцвела, как цветок! – Юлиан чувствовал всю пошлость того, что он городил, но его извиняла искренность и... влюблённость? Когда он впервые взял Василису за руку, то ощутил такой мощный в своей чувственности импульс, что самая горячая ночь с любой мисс мира ничего бы не стоила в сравнении с тем током, который пробежал между ними в тот момент.

Всё шло к поцелую, но Юлиан никак не решался. Сомневался: допустимо ли это сейчас? Ничего ли он не испортит? И пока он придумывал оправдания для этого шага, в шатёр вошёл Винни Джонс.

– Так, время платить по счетам!

В руках у него было то самое ружьё, из которого Юлиана хотели расстрелять сегодня утром. Может быть, поэтому он не придал должного значения происходящему. Хотя, безусловно, запаниковал и непроизвольно встал при виде грозного актёра.

– Винни, что ты делаешь! – воскликнул Поснов, когда Джонс наставил ему ружьё в живот. На расстоянии двух метров увернуться от выстрела точно не получится, как резко ни прыгай в сторону.

– Я делаю то, что должно сделать! Ты сам согласился, что взамен за всё увиденное и пережитое здесь – мы тебя убьём. Мы пожали руки, всё честно. Пришло время исполнить договор.

– Да что же вы сегодня убить-то меня хотите, а? – Юлиан попытался перевести разговор в шутку, но Винни его решительно осёк.

– Юлиан, я серьёзно. Я пришёл убить тебя. Последнее желание ты уже съел, – он кивнул на стол, где в сковородке лежал хребет вкуснейшей белуги с лимоном и перцем. – Поцелуй девушку – и покончим с этим!

«Ну, хотя бы облегчил мне признание!» – весело подумал Юлиан и поцеловал Василису в губы.

Впервые за много лет к нему вернулось ощущение сладости поцелуя. До этого это была факультативная часть в завязанном на подарках механизме спаривания. Теперь же он прильнул к чистому роднику жизни, прямо как в детстве. И от этого было ужасно жаль осознавать, что сейчас его жизнь оборвётся на взлёте. Непонятно, почему и зачем. Он что-то прошептал Василисе на ухо, и та расплакалась и отошла в сторону.

– Ну что, скажешь правду? – грозно спросил в заключение палач.

Юлиан задумался.

– Господи! – воскликнул он и воздел руки вверх, к куполу шатра, – благодарю Тебя за бесценный дар жизни! За то, что вдохнул в эту труху костей и мышц живой дух Свой! Что дал возможность увидеть мир и получить ни с чем не сравнимое удовольствие от жизни, которого даже не могут представить себе те, кто не рождён! Спасибо Богу за всё!

– Молодец! – подтвердил Винни Джонс и спустил курок.

6

В Белфаст

В темноте назойливо жужжали мухи. Одна из них садилась на стену или стул, и раздавался шлепок. Юлиан помнил, как в детстве в деревне его дедушка так же бил маленьких кусак самодельной мухобойкой. Это была обработанная наждачкой палка, к концу которой гвоздём был прибит кусок автомобильной камеры. Дедушка выжидал, пока выбранная жертва садилась поблизости на ровную поверхность и резким движением припечатывал её.

«Шлёп» – так и сейчас, как много лет назад в детстве, звучал удар. После него другие мухи, как по команде, разом взлетали, и всё повторялось по новой. Через полминуты очередная жертва садилась на стену – «шлёп».

Собственно, происходило это всё в темноте ровно до тех пор, пока сознание неизвестного субъекта не очнулось от сна. Сначала этот субъект слышал шлепки мухобойки, а затем ум из состояния небытия перешёл к догадке, что есть темнота – а значит, есть и свет, без которого не было бы знания тьмы. Мало-помалу сознание расширялось из абсолютного ничто до телесной коробки, в которой оно очнулось и узнало себя.

У коробки оказалось много интересных мест. Появился сухой язык, который облизнул губы. Объявились руки и ноги, уши, нос, волосы. Внутри живота проснулась застарелая боль. Наконец, очнулись глаза, который распахнул миру их временный владелец – Юлиан.

Перед ним была занавешена плотная ткань. Он лежал на кровати, бережно закутанный в одеяло, в углу комнаты. Место его сна было со всех сторон завешено, чтобы его не мучили мухи. Которых, в свою очередь, кто-то методично изничтожал шлепками резины по стене.

Юлиан начал кое-что припоминать. Он ощупал живот и обнаружил, что весь обвязан марлей, причём так плотно, что сложно даже подвинуться на кровати. Он попробовал повернуться набок, но этому тут же воспрепятствовала острая резь, от которой Поснов невольно охнул.

Рядом за ширмой, по-видимому, отложили мухобойку и встали. Мужская рука отодвинула занавес, и Юлиан увидел перед собой незнакомого человека лет пятидесяти. Впрочем, на секунду Поснову показалось, что он уже где-то видел этого человека. Только не недавно, а много лет назад.

– Не шевелись! – негромко произнёс тот. – Рана ещё не зажила, швы могут разойтись. Как ты себя чувствуешь?

– Вроде ничего! – вместо внятного ответа слабо прошептал Юлиан. – А где я? Где Василиса? Где Джонс?

Мужчина улыбнулся, удостоверившись, что с пациентом всё в порядке.

– Сколько вопросов сразу! Что ж, отвечаю. Ты у меня в доме, в соседней деревне с Дублином. Помнишь же, да? Не в Ирландии, а в Архангельской губернии который. Я – отец Василисы, Василий Михайлович. Сама она скоро вернётся. В первые дни постоянно рядом с тобой сидела. Но доктор сказал, что рана серьёзная и пролежать ты можешь неделю или две. Ты пролежал три. Фестиваль давно закончился, все разъехались по домам, как и Винни Джонс.

Юлиан тщетно пытался обдумать всё сказанное.

– Так что же? Это всё тоже постановка была? Допрос, расстрел?

– Какая уж тут постановка! – удивился Василий Михайлович. – Винни слов на ветер не бросает. Если сказал, что в конце праздника застрелит, то так и будет. А ты-то зачем согласие дал? Не понял ещё, что тут всё серьёзно и за слова отвечать надо? Скажи спасибо, что здоровьем крепкий вышел – вот, оклемался вроде. А то бы сейчас в холодной земле лежал...

Юлиан попросил воды. Василий Михайлович с поспешностью принёс ему стакан и сказал, что, если тот хочет есть, готов обед. Пациент обещал подкрепиться попозже.

– А как же мои родители?

– А что это ты о родителях вспомнил? – удивился хозяин. – То по месяцу ни ответа, ни привета, а то – как же они там? Да не волнуйся, мы позвонили твоему отцу, сказали, что ты на две недели отправился в Ямало-Ненецкий автономный округ, на вездеходах по берегу Белого моря кататься. Связи нет, поэтому докучать не будешь. А отец твой, видно, привычный, что не ты не сам звонишь, а секретарей просишь, да?

Юлиан хотел было ответить, но не стал. Главным образом потому, что понял, что всё сказанное – правда и что перечить – значит врать самому себе. Ну а ещё – болели рёбра и от этого тяжело было говорить. Поэтому говорил в основном Василий Михайлович.

– Тут, Юлиан, такое дело. Василиса моя боготворит Британию, даже не знаю, почему. Она всю Англию объездила, всю Шотландию исходила, Уэльс

исколесила, в Дублине – не поверишь – раз двадцать была! В настоящем, не в этой бутафории. А вот в Белфаст – не решалась никогда попасть.

Василий Михайлович удостоверился, что Юлиан слушает его внимательно, и продолжил.

– В детстве она одну легенду прочла. Как раз в то время, когда вы летом вместе отдыхали. Легенда о простой деревенской девушке, которая влюбилась в молодого музыканта родом как раз из Белфаста. Он уезжал на фронт, и у него оставалась неделя привольно пожить. Каждый день он звал её к себе домой, но каждый раз девушка отвечала, что попадёт в Белфаст только после того, как он вернётся с войны и сделает ей предложение.

Хозяин вздохнул.

– Вернулся он через полгода, в гробу, вместе с которым было письмо. В нём он сообщал, что предстоящая битва станет для него последней и он сможет вернуться домой. Ещё он признавался девушке в любви и просил её руки. В кармане убитого было обнаружено кольцо из чёрного серебра.

Девушка молча попрощалась с отцом и поехала вместе с возлюбленным в Белфаст. Там она исповедалась в церкви в грехах, надела кольцо на палец и бросилась в реку Лаган с моста. Бездыханную, её достали из ледяной воды – был ноябрь – и по совещании с епископом похоронили в одной могиле с любимым. Теперь ты понимаешь, почему сколько угодно можно ходить по клубам Лондон или Дублин, но в Белфаст нужно попасть в реальности? Тут целая мифология!

Василий Михайлович живописно развёл руками и замолчал. Юлиан подождал, не добавит ли он чего-нибудь к сказанному, но мужчина был нем.

– А к чему вы мне это рассказали?

– Как к чему? – поднял брови хозяин. – Тебя-то не убили на фронте! Ты хоть и раненый, но живой. А Василиса в Белфаст хочет! Неужели ты не чувствуешь красоты произошедшего? Вы познакомились в детстве, подружились, затем скоростижно расстались. Ты её искал, не нашёл. Она

тебя искала, нашла. Теперь вы встретились. Может быть, я чересчур прямолинеен, но, по-моему, вы идеально подходите друг другу!

– Погодите-погодите! – пытался протестовать Юлиан, но последствия раны не позволили ему говорить во весь голос. – Это что же получается? Весь этот фестиваль – только потому, что Василиса нашла меня и захотела встретиться?! Десятки музыкантов, куча блюд, базы, наконец! Что-то я не возьму в толк: вы что, миллиардер какой-то? Если можете позволить дочери вот так развлекаться?

– Нет, Юлиан, ты не путай охоту на зайца с заячьей шапкой. То, что таксист везёт тебя в аэропорт, – это работа. А то, что у него в багажнике бутылка виски лежит, чтобы тебе её втридорога после одиннадцати часов продать, – это призвание. Я хочу сказать, что фестиваль проходил по своим причинам и по своему сценарию. А то, что ты на нём первую любовь встретил, это удача. Бонус, так сказать.

На словах про первую любовь Юлиан покраснел, но перечить не стал.

– Так, и мне теперь нужно сделать ей предложение и устроить свадьбу в Белфасте?

Василий Михайлович сложил пальцы пистолетом и изобразил выстрел в яблочко.

– Бинго! И-мен-но! Вот, сразу видно: умный парень! Именно это ты и должен сделать! Как по мне. Ну а ты решай, как поступить. О, Василиса пришла!

Вслед за входной открылась дверь в сени, а оттуда и в комнату. Девушка осторожно вошла, стараясь не шуметь, но папа встал ей навстречу и объявил:

– Не церемонься, он пришёл в себя!

И с этими словами поцеловал её в лоб и вышел в сени.

Василиса осторожно подошла к Юлиану. Увидев, что он жив-здоров и даже весел, она улыбнулась. Напряжение, которое, как в узлах, застыло в уголках её губ и над переносицей, моментально спало. Она приблизилась к

Юлиану и поцеловала его в щёку. Затем жестом показала, что отец подслушивает их за стенкой, и шепнула: «Подыграй мне!».

– Рада видеть вас в здравии! – громко объявила она. – Как вы себя чувствуете?

Юлиан удивился такой перемене тональности, но вступил в игру:

– Благодарю! Покорствуюсь вашей заботе обо мне и отдыхаю!

Василиса довольно кивнула и снова жестами показала: давай! давай ещё!

Юлиан откашлялся и начал выдавать:

– Я полюбил вас с той минуты, как увидел вас. Могу ли я надеяться?

Тогда, в детстве, они читали по ролям «Войну и мир»: Юлиан – за Андрея Болконского, Василиса – за Наташу Ростову.

– Зачем спрашивать? – припомнила текст Василиса. – Зачем сомневаться в том, чего нельзя не знать?

Юлиан взял её руку и поцеловал.

– Любите ли вы меня?

– Да, да! – как будто очевидные вещи проговорила Василиса и зарыдала.

– Я не хочу связывать вас словом, – попытался перекричать её Юлиан, – и предоставляю полную свободу. Ежели до свадьбы вы почувствуете, что не любите меня, то будете в своём праве, ежели откажете мне.

В эту секунду дверь громко открылась и внутрь стремительно вошёл Василий Михайлович.

– Так, театралы! – воскликнул он с отцовской суровостью, перетекавшей в маскируемую нежность. – Я, хоть и не семи пядей во лбу, но классику знаю. Ишь, чего удумали – разыгрывать меня! Или вы думали, я Грибоедова не узнаю? Э-е-эх, горе-от-умисты мои!

Он погладил дочь по голове.

– Ладно, мне пора, поеду за клюквой. Оставляю вас. Не забудьте покушать, особенно это тебя, рыцарь, касается.

Василий Михайлович развернулся и ушёл, закрыл за собой дверь.

– Почему рыцарь? – уточнил Юлиан.

– Ну как, я – прекрасная дама, ты – мой рыцарь.

– Постой, послушай! Тебя не пугает... ну, скажем так, стремительность всего происходящего? Ещё вчера я узнал тебя в толпе, а сегодня – папа и ты, и вы так серьёзно говорите... о свадьбе!

Поснов произнёс это слово, и ему самому стало страшно от череды изменений в его жизни.

– Господи, Юлик! – всплеснула руками Василиса и встала, заходила по комнате. – Ты же всё это уже пережил! И тщетность большинства вещей в нашей жизни, и великий момент осознания себя в мире, своей цели. Я же смотрела в твои глаза тогда и радовалась, что ты – проснулся, что ты ожил! Как из кокона человека-животного вспорхнула бабочка человека-героя! А теперь ты рассуждаешь в мещанских терминах: свадьба, стремительность происходящего.

Она остановилась и вновь села у кровати.

– Мы только вырвали тебя из клетки школа-работа-пенсия, а ты вновь хочешь туда вернуться? Пугает ли меня быстрота всего в жизни? Нет, с определённого момента меня ничего в жизни не пугает. И так всё скоротечно донельзя – зачем же ещё и притормаживать? Пойми: жизнь – как смена в летнем лагере. Ты должен заселиться и радоваться каждому дню. Рано или поздно всё равно придёт конец, но это не повод грустить, переживать, рефлексировать – какие ещё умные слова ты знаешь? Это – причина радоваться, жить в полный рост, дышать полной грудью, пить соки жизни, пока не зашло солнце!

Она прожгла его взглядом огромных, как небо, горящих глаз.

– Если ты боишься заката – закройся в коробке. Выходи из неё только на работу, вечером пей в ней пиво, тридцатого ночью в ней умри. Для мира это не будет потеря. А для тебя – будет. Потому что каждый человек – это и есть целый мир! Каждый человек – это вселенная! И если ты проживёшь дерьмовую жизнь, то это будет трагедия мирового масштаба! Ты только представь: целая вселенная зародилась и просуществовала миллиарды лет впустую, зазря! Короче.

Она сжала его руку.

– Раз ты ожил – живи! Пройди свой путь так, чтобы об этом слагали легенды!

Юлиана впечатлила эта пламенная речь. Но он постарался собраться с мыслями, чтобы ответить максимально взвешенно.

– Может быть, я не совсем удачно выразился. Пойми меня правильно: я очень взбудоражен всем, что произошло в последнее время. И я очень, чрезвычайно, безумно рад, что встретил тебя! В этом можешь мне поверить. Но я же взрослый человек, поэтому такие ответственные решения должен хорошо обдумывать. Я не...

Василиса не дала ему договорить.

– Решения. Обдумывать. Взрослый. А ты не будь взрослым – будь ребёнком! Ребёнок никогда не откажется, если ему предложат съездить в Диснейленд. Наоборот, он будет дни считать до этого события. В конце концов, я начинаю злиться: ты что, не хочешь делать мне предложения?

Юлиан поперхнулся.

– Я понял. Видимо, прямолинейность – это у вас семейное. Папа распекал, что я родителям не звоню. Ты про... Диснейленд. Давай я отвечу тебе так. Предложение – интимный процесс, который к тому же должен нести элемент неожиданности. Давай, когда я буду готов ко всему морально, физически и презентационно, я всё сделаю сам. Договорились?

– Сколько тебе времени нужно?

– Что? – опешил Юлиан. – Слушай, а у тебя папа не в ФСБ работает?

– В ФСБ не работают, а служат, как в театре. Но – нет, у папы бизнес на клюкве.

– Это маскировать настоящие события под вымышленные?

– Ути, на ножки наш птенец встал, молодец какой! Ранее вылутился в настоящую жизнь, а теперь уже начинает разбираться, что к чему. Ладно, давай сначала о Белфасте договоримся!

Она протянула ему сложенную в приветствии ладонь. Но Юлиан отвёл её руку и пальцем показал, чтобы она поцеловала его в щёку. Она не подчинилась и поцеловала его в губы.

– Скажи, – после обеда спросил Юлиан, – а что это было? Это такой изощрённый способ попасть в Белфаст?

– Да что ты! – удивилась Василиса. – Это самый быстрый способ попасть в Белфаст! Это, можно сказать, в Белфаст напрямки! Ты хороший и добрый человек, которого я узнала ещё ребёнком, а это самое чистое зеркало души. Ты красив, я очаровательна – так чего же нам ждать!? Пришла, напомнила, забрала. Помнишь такую рекламу: бери от жизни всё? Вот я и беру, быстро и чётко. Какая уж тут изощрённость? Это самый что ни на есть прямой путь!

– Старый прямой путь нашей любви?

– Ага!

– Можно последний вопрос? А почему всё-таки Белфаст?

Василиса округлила глаза.

– А кто ж его знает, почему? Белфаст ведь у каждого свой. Знаешь, Мекка тоже в своё время была Белфастом для одного-единственного человека. А теперь – вон оно как. Так что не важно, Белфаст, или Остоженка, или Кеплер 22 «Б» – главное, чтобы это вот здесь было!

Она приложила ладони к сердцу.

– Но у меня ты Белфаст не отнимешь! – решительно заявила Василиса. – С тобой, живым или мёртвым, но я туда попаду!

– Да понял я, понял! – подтвердил Юлиан. – Я же сказал: всё будет, только не торопи меня! Мне ещё раны залечить надо, в конце концов.

Прозвучало пафосно. Василиса окинула его новым взглядом, как будто забыла и только сейчас вспомнила о его ранении. На секунду Юлиан подумал, что она смотрит на него, как молодая мама на маленького сына. «Может быть, она хочет детей? А, может быть, этого хочу и я?».

– Ладно, – вздохнула Василиса, – давай спать. Пойдём, я тебя уложу, вояка!

Она улыбнулась, и Юлиан не стал обижаться.

В час ночи, когда молодые уже спали, домой вернулся Василий Михайлович. Он аккуратно отпер дверь и вошёл в сени. Переобулся, поставил чайник. Включил телевизор и убавил звук почти до нуля. Нашёл нужный канал, сделал чуть громче.

– Печальная новость пришла сегодня из Лос-Анджелеса. На 84-м году жизни скончался музыкант Дэвид Кросби, основатель и участник таких групп, как “The Byrds” и “Crosby, Stills, Nash & Young”. Родственники Кросби сообщили, что, предчувствуя скорый уход, Дэвид успел со всеми попрощаться и отошёл в мир иной спокойный и счастливый. Последней песней, которую он успел записать, стала “Nux in Nizza” – «Ночь в Ницце», радостное произведение про лето на средиземноморском побережье. В песне Кросби утверждает, что каждый должен провести хотя бы одну ночь в Ницце, чтобы ощутить радость от жизни, которую нужно нести в сердце до самого последнего дня. По завещанию музыканта, его тело кремировали и прах развеяли над Тихим океаном.

Василий Михайлович отхлебнул из чашки чая с лимоном, удовлетворённо кивнул и на выдохе произнёс:

– Отличная клюква!

СОДЕРЖАНИЕ

1 Алдеан	3
2 Лондон	22
3 Эдинбург	37
4 Остров Мэн	63
5 Дублин	66
6 В Белфаст	85

Михаил КОЖАЕВ
В БЕЛФАСТ НАПРЯМКИ
Косогория, 2022